

ИСКРКА

ISSN 0130 6375

9 СЕНТЯБРЬ
1985

МАЛЕНЬКИЕ РАБЫ

Эти восьмилетние девочки-работницы из Марокко целый день заняты изнурительным трудом: они ткут ковры.

Этим ребятам из Перу по пять-семь лет. Но они уже начали работать на кирпичном заводе.

А это дети из Гонконга. Получая нищенскую плату, они, наравне со взрослыми, штампуют детали для транзисторных приёмников.

ИСКОРКА

газеты
Ленинские
искры,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

9 СЕНТЯБРЬ
1985

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

Олег ЦАКУНОВ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ УТРО

*«Стороной опасной» — не опасной! —
Эта надпись — памяти урок,
Мы идём к работе самой разной:
Строить ледокол и печь пироги...*

*Чтобы люди жили не тужили —
Ради жизни день наш трудовой!
Чтоб в лучах всегда сияли штили,
Окна загорались над Невой!*

*Там учёный, делом увлечённый,
И рабочий точен...
В добрый час!
А вот здесь под клёном золочёным
Заглянуло утро в тихий класс.*

*В буквах первых — смелых, неумелых,
Разобрался солнечный пунктир,
Подчеркнув, написанное мелом,
Слово завоёванное — МИР!*

Рис. О. Вороновой

Илья ФОНЯКОВ

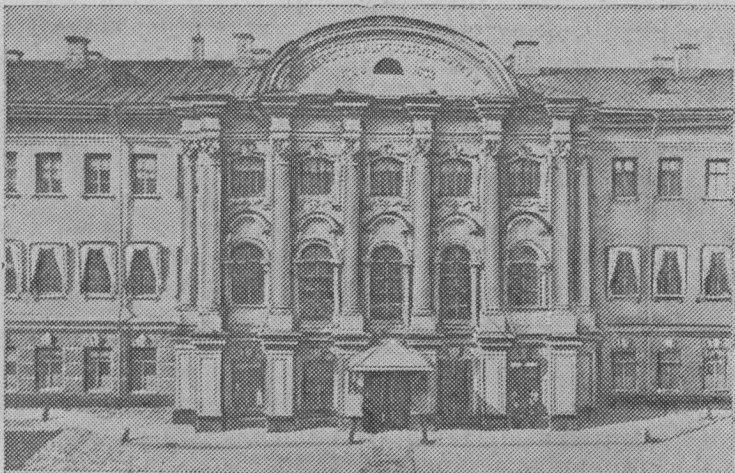
Адмирал Корнелиус Крузенштерн.
Основатель школы.
Сподвижник Петра I.

СКОЛЬКО ТЕБЕ ЛЕТ, ШКОЛА?

С телеэкрана на меня глядит Феликс Дзержинский. Глядит сурово и пронзительно. Критик отметил в статье, что портретное сходство — поразительное. Я готов согласиться с ним, и всё равно в какие-то минуты я вижу эти кадры особым, как бы двойным зрением: с одной стороны передо мной — «железный Феликс», с другой — тот, кто играет эту роль. Даже не «заслуженный артист РСФСР Михаил Козаков», а просто мой одноклассник, с которым мы когда-то — тридцать с лишним лет назад! — окончили одну и ту же ленинградскую школу в самом центре нашего славного города.

Можно много спорить, где находится «самый-самый» центр Ленинграда. В дни торжеств и парадов это, бесспорно, Дворцовая площадь. Ну, а в обычные дни? Лично для меня — колоннада Казанского собора, памятники Кутузову и Барклаю де Толли. И то, что расположено напротив — Дом книги, а почти рядом с ним — два одинаковых пятиэтажных флигеля, традиционно окрашиваемые в жёлтый цвет. Между ними, в глубине, — красивое здание с двумя башнями: бывшая немецкая лютеранская церковь Петра и Павла. Огромный дом, населения которого вполне хватило бы на небольшой городок, охватывает её в виде буквы «П». Перекладина этого «П», невидимая с проспекта, — и есть наша школа. 222-я средняя школа. В наше время её название было на одно слово длиннее — «мужская». Обучение было тогда раздельным. День за днём сбегались к не знающим покоя школьным дворам мы — мальчишки соседних улиц. Мне было едва ли не ближе всех: жил в том же доме. И, на зависть одноклассникам, первым начинал весной прибегать на уроки без пальто. Впрочем, нет, не первым. Мой приятель Толя Русаков, хотя и жил чуть подальше, всю зиму, даже в самые лютые морозы, ходил в пиджачке: закалка у него была настоящая партизанская. Во время войны он успел побывать в партизанах на Псковщине и, кажется, даже был однажды ранен в руку, когда на лыжах доставлял хлеб в отряд.

И другим тоже было что вспомнить о войне.

Здание школы. Фото 1867 года.

Я мог бы рассказать, например, как выглядел в те годы наш двор. Вернее, не двор, а дворы — их тут целая сообщающаяся система. Как маршировали по асфальту, осваивая строевые повороты, мужчины в штатской одежде — ленинградские ополченцы. Как возникла однажды в голубом осеннем небе россыпь каких-то розовых лоскутков. Постепенно снижаясь, они увеличивались в размерах, один планировал прямо к моим ногам. «Не тронь эту гадость!» — схватила меня за руку воспитательница детского сада. То были фашистские листовки, сброшенные пролетевшим самолётом.

Я мог бы рассказать и про то, как однажды во время обеда в том же детском саду мы слышали адский грохот. Казалось, что снаряд разорвался прямо в комнате. Потом выяснилось, — он угодил в хозяйственную лавку, помещавшуюся в нашем доме со стороны улицы Желябова. На прогулке мы увидели мрачную пещеру, которую выгрыз в теле дома дальнобойный снаряд. Больше всего, помнится, поразил меня одинокий фарфоровый чайничек, чудом уцелевший на чудом уцелевшей полке.

Я мог бы рассказать и о том, каким был наш дом в блокадную зиму — тёмным, притихшим, суровым...

В школьные годы хочется смотреть не в прошлое, а в будущее, и мы смотрели в будущее и видели себя взрослыми. И очень не любили, когда бестактные взрослые снова и снова спрашивали, сколько нам лет. И тем более нам самим не приходило в голову спросить: «А сколько лет тебе, школа?» Мы видели каждый день на её фронте цифры: 1760 и 1915. Много позднее, после капитального ремонта, вместо второй цифры появилась новая: 1958. Первая осталась неизменной. Это значит: в 1760 году наша школа уже существовала! Но теперь я знаю, что она и ещё намного старше: на целых полвека!

Первое упоминание о нашей школе в официальном документе относится к 1710 году. Представим себе на минуту это время. Городу на Неве — только семь лет. Он бурно строится. В работы вовлечены тысячи людей. Из европейских стран Петром I приглашены специалисты в различных областях знаний. Среди них — опытный моряк Корнелиус Крюйс, датчанин по происхождению, голландец по гражданству, немало в дальнейшем сделавший для становления российского флота. Сохранился его портрет: суровый мужчина в парике и латах. Вот этот-то самый Крюйс и создал при своём доме школу. Со-

хранилось и имя первого учителя: его звали Корнелиус Корнелиссен, происходил он из датского города Рипена и был по своей прежней профессии боцманом. Очевидно, на первых порах школа была с морским уклоном, как сказали бы сейчас. Ах, как жаль, что не знал этого в своё время мой одноклассник Арнольд Дарович, которого мы величали также «боцманом» за пристрастие к морской романтике! Моряком Арнольд, правда, не стал, в капитаны дальнего плавания вышел другой мой товарищ — Илья Рахман, но это уже иная история. Нас интересует пока Корнелиус Корнелиссен: в приходно-расходной книге за 1710 год есть запись о выплате ему учительского жалованья. Это и есть первое упоминание о нашей школе: значит, ей в нынешнем году — 275 лет. Два столетия и три четверти! Самая старая школа города.

Корнелиус Крюйс жил на углу Невы и Зимней канавки, там, где сейчас стоят эрмитажные здания. Помещение для школы наняли неподалёку — в доме купца Христиана Вольфа. Стало быть, первые годы своего существования она была не там, где ныне. Но это была уже та самая школа! В тридцатых годах того же восемнадцатого века она переехала в квартал, где помещается и теперь, а в 1760 году — вот откуда первая цифра на фасаде! — для неё начинают строить специальное каменное здание, тогда ещё двухэтажное (потом его будут надстраивать, последний раз — в 1915 году, отсюда и прежняя вторая цифра). Специальное объявление оповещало горожан в 1762 году, что новая школа «отворена быть имеет» 1 октября и что «юношество мужского пола, желающие быть учёными, приобретут в сей школе случай научиться всему тому основательно и достаточно, что они по справедливости знать должны, дабы с пользою вступать могли в университеты».

Может быть, вы спросите меня: откуда я знаю всё это?

Есть люди, которые специально занимаются историей нашей школы.

Немало экспонатов для школьного музея собрала учительница Г. Н. Галкина. У ленинградского архитектора Николая Петровича Ульянова — собрание книг и других материалов по истории школы. А книг, связанных с нею, за минувшие столетия накопилось немало.

Вот одна из них, выпущенная ровно двести лет назад — в 1785 году. В книге напечатан полный список учеников тогдашней школы. Интересно, кто же учился в ней в ту пору? Ну, например, во втором классе? Бросается в глаза прежде всего пёстрый национальный состав. Уроженец Петербурга Карл Альбрехт — очевидно, немец... Напомним, что школа существовала при немецкой церкви святого Петра (позднее — Петра и Павла), отсюда и её обиходное название — Петершуле (или Петршуле), преподавание шло на немецком языке — эта традиция сохранялась до конца двадцатых годов нашего столетия. Рядом с Карлом Альбрехтом — некий Егор Аргиропули, родом из Константинополя, по-видимому — грек. Немало и русских ребят: Павел Козлов, Павел Медведев, Николай Тюкин, Андриан Трофимов. Удивительна разница в возрасте: в том же втором классе — ребята от одиннадцати до семнадцати лет. В особой графе отмечается поведение учеников: «хорош», «иногда резок», «не всегда спокоен», «невежлив», «тих». И способности: «показываются», «довольно слаб», «весьма слаб». Но, пожалуй, наиболее интересна и даже неожиданна та графа, где приводятся сведения о родителях, преимущественно об отцах учеников: «садовник», «солдат», «кузнец», «граф», «лакеей», «камердинер», «столяр», «серебряных дел мастер». Имеется в школе и женское отделение: в третьем его классе, например, учатся

Георг Форстер.
Путешественник, учёный, участник
кругосветного путешествия Джеймса
Кука.
Учился в школе в 1765-66 годах.

Генерал-лейтенант А. И. Михайлов-
ский-Данилевский.
Участник Отечественной войны
1812 года. Адъютант фельдмаршала
М. И. Кутузова.
Поступил в школу в 1798 году.

Пелагея Васильева — дочь протопопа, Серафима Козлова — дочь полковника, Анна Гейделин — из семьи портного. Очевидно, тогдашние руководители школы были прогрессивными для своего времени людьми, если сын кузнеца и дочь портного учились у них рядом с юным графом и полковничьей дочкой!

Не будем, конечно, преувеличивать значение этого соседства. Различие, несомненно, всё равно существовало. И если графский сынок, как правило, заканчивал полный курс и поступал в университет, то папа-кузнец или папа-столяр нередко ограничивали обучение своего сына тремя-четырьмя классами: учение стоило недёшево. Но всё-таки — что было, то было: учились вместе дети разных «состояний», как говорили тогда.

И что ещё нельзя не отметить: при всей пестроте национального состава школа стремилась воспитать своих учеников патриотами России. И многие из них действительно со славой послужили своему Отечеству, стали известными, заметными людьми. Правда, представление об известности и заметности в разное время тоже было разным. Несколько раз на протяжении истории школы выходили полные справочники-списки её учеников за предшествующие десятилетия. О наиболее выдающихся сообщалось, кем они стали, чего достигли в жизни. Вот, например, один из них стал обер-кондуктором Царско-сельской железной дороги — должность по тем временам и впрямь не маленькая, тем более что дорога — первая в стране. Зато к фамилии некоего Карла Росси, учившегося здесь в 1788—1789 году, — никаких комментариев. И немало труда пришлось приложить историографам, чтобы убедиться: это тот самый Карл (вернее, Карло) Росси — великий зодчий, построивший в нашем городе здания Главного штаба, Сената, Михайловского дворца (ныне — Русский музей), Александринского театра (ныне — Театр имени Пушкина), — без них Петербург — Ленинград просто немислим!

Естественно, что ничего не говорится в старых справочниках о литературных и гражданских заслугах поэтов-радищевцев Ивана Борна и Василия Попугаева, членов Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, — они собирались на свои заседания

в том же здании. И ничего — о декабристах, питомцах школы. Их трое: Крюков, фон дер Бригген и самый известный из троих — Михаил Фонвизин. Несколько лет назад в Сибири, где он когда-то отбывал ссылку, были изданы его дневники и письма. И какой же яркий, благородный, мыслящий человек предстаёт перед нами с их страниц!

Среди учеников нашей школы — великий русский композитор Модест Петрович Мусоргский; известный художник, непревзойдённый мастер в изображении лошадей — Н. Е. Сверчков; прославленный детский врач К. Раухфус — его именем названа больница в Ленинграде. Многие нынешние ученики, из тех, кто серьёзно занимается спортом, мечтают поступить в Ленинградский институт физической культуры имени П. Ф. Лесгафта. Помню, и меня в детстве занимал вопрос: кем был этот Лесгафт, в каком виде спорта отличился? Потом я узнал, что Пётр Францевич Лесгафт был не спортсменом, а учёным — врачом, анатомом, педагогом, автором учения о правильном, гармоничном развитии человеческого организма, о физической культуре в изначальном смысле этого слова. А о том, что он учился в нашей школе, я узнал ещё позднее.

А кто из вас, ребята, не бывал в городе Пушкине, не видел в лицейском саду памятник юному поэту? Бронзовый кудрявый юноша сидит на парковой скамье, рядом с ним его фуражка и книга... Этот памятник прославлен, воспет в стихах и прозе. А создал его тоже ученик нашей школы — скульптор Роберт Бах, он учился здесь в 1872—1876 годах.

Мы можем гордиться тем, что питомцы нашей школы были и среди революционеров-народовольцев, и среди героев революции и гражданской войны; на Коммунистической площадке в Александро-Невской лавре похоронен Николай Поляков-Смагин, павший в боях с махновцами; в далёком городе Кагане близ Бухары — Г. Газе, сражавшийся с басмачами; артиллеристом Первой Конной армии был Леопольд Штейн...

Николай Петрович Ульянов показывает мне обыкновенный полиэтиленовый мешочек с обыкновенной коричнево-чёрной землёй:

Герберт Газе.
Участник гражданской войны.
Погиб в бою с басмачами в 1922 году.
Выпускник школы 1916 года.

Вячеслав Васильковский.
Герой Великой Отечественной войны.
Погиб под Москвой в 1941 году.
Окончил школу в 1934 году.

— Это земля с того места под городом Конаково Калининской области, где совершил свой героический подвиг выпускник нашей школы сержант Вячеслав Васильковский...

Это уже — Великая Отечественная. С фотографии смотрит прекрасное, чистое юношеское лицо. Он окончил школу в 1934 году, через пять лет — исторический факультет университета. Подавал большие надежды. Но время рассудило по-своему: тот, кто собирался писать историю, стал творить её сам, с оружием в руках защищая от врагов родную землю. О нём сложили песню:

*В декабрьский день от стен московских
Полки пошли в большой поход.
Им путь указан Васильковским,
Закрывшим грудью вражий дзот...*

За свой подвиг Вячеслав Васильковский был посмертно награждён орденом Ленина.

И, конечно, на многих фронтах мирного строительства отличались наши ученики. Трое из них — лауреаты Ленинской премии: геохимик Э. Герлинг (выпускник 1922 года), металлург В. Ардентов (выпускник 1932 года) и филолог А. Бондарко (1949 год). Последний из трёх — почти уже «моё» время: мы закончили школу в пятидесят втором. А для тех, кто учится в школе сегодня, годы нашего ученичества — уже история.

Ежегодно в первую субботу апреля к порогу школы приходят её выпускники. Приходим и мы: начальник локомотивного депо, ответственный работник Ленинградского метрополитена, учёный, инженеры, врачи, военные, артист, писатель. И на несколько часов становимся снова школьниками-одноклассниками, вспоминаем давние прозвища, весёлые истории, футбольные баталии во дворах. И кажется, что всё это было совсем недавно.

С чего начинается Родина?

В известной песне даётся много ответов на этот простой и сложный вопрос. И каждый из нас, наверное, мог бы добавить что-то своё. Для меня она начиналась с нашего большого ленинградского дома. В том числе — и с нашей школы. Тем более что школа наша — необычная: почти ровесница города. 275 лет — нешуточный возраст!

Василий Ардентов.
Доктор технических наук. Лауреат
Ленинской премии.
Выпускник школы 1932 года.

Подобрал фотографии и сделал под
ними подписи выпускник школы
1930 года Николай Ульянов.

11 сентября 1973 года Виктория Варгас должна была лететь в Москву: её, студентку Чилийского университета, посылали в СССР продолжать учёбу. Как и все люди перед дальней дорогой, она волновалась: вдруг найдут тучи, резко испортится погода и самолёту не дадут разрешения на взлёт... Погода не испортилась, но Виктория в тот день так и не улетела: зловещая туча фашизма нависла над всей страной — в тот день, 11 сентября 1973 года, был убит Сальвадор Альенде, президент, избранный народом, и в Чили пришла к власти фашистская хунта. Через несколько недель Виктории всё же удалось улететь — до сих пор она считает, что произошло чудо.

Для неё, молодой чилийской коммунистки, наша страна стала второй родиной. Ныне она живёт в Ленинграде. В нашем городе она училась в Финансово-экономическом институте имени Н. А. Вознесенского, защитила кандидатскую диссертацию по современной экономике Чили. И все эти годы Виктория Варгас писала и пишет стихи. В них — радость встречи с советскими людьми и боль воспоминаний о Чили, о народе, страдающем под сапогом фашистской диктатуры. В них также и вера в то, что силам зла никогда не удастся победить силы добра.

Виктория ВАРГАС

«...В СВЕТЛЫХ МОРЩИНКАХ ДОЖДЕЙ»

В ДОРОГЕ

*Я ухожу, мама.
Но в шелесте маков
всё слышен мне твой голос,
он просит:
останься ещё,
ну хоть на минутку,
дочка...*

ВЕСЕННЕЕ УТРО

*На утренних улицах
полным-полно голубей.
Ночь испугалась
зари весенней твоей.*

*Город, ты ласково смотришь
в светлых морщинках дождей,
и в сердце моём кантата
звучит всё слышней.*

*Твои глаза, Ленинград,
навстречу людям открыты;
того, кто лишён отчизны,
ты взял под свою защиту,
и верой в моё воскрешенье —
я знаю — твой воздух пропитан.*

ОДИНОЧЕСТВО

*В тишине родился дождик,
одиноким и неспешным;
безмятежно улыбнувшись,
надо мной склонился нежно.*

*Я хотела бы укрыться
под его струистым плодом,
чтобы высушил мне слёзы
ветер, напоённый светом.*

*Я сегодня снова спорю
с одиночеством гнетущим, —
я в свою одета память,
беззащитна пред грядущим.*

*Но живёт во мне надежда,
ни на миг не исчезая,
и меня ласкает нежно,
как сестра моя родная.*

Перевёл с испанского
В. Андреев

МИХАИЛ ГАИНКА
**ПЕТРОВСКАЯ
НАБЕРЕЖНАЯ**

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

ЧАСТЬ II

РИСУНКИ

Ю. ШАБАНОВА

СЕРЁЖА ЕРОПКИН

Могло показаться, что появился этот худощавый красавец в коридоре шестой роты совершенно случайно. Он даже прутик какой-то вертел в пальцах, и выражение лица у него было совсем прогулочное.

Что-то получая и примеряя, их рота сновала вокруг. Самые высокие из них едва доставали выпускнику до плеча. Отовсюду он был виден. Митя и его товарищи зачарованно глядели на его причёску. Над высоким лбом гостя стояли густые, зачёсанные назад волосы — обстоятельство, на которое ещё недавно Митя и его товарищи и внимания не обратили бы, а теперь, после того как их остригли под машинку, — предмет общей неистовой зависти.

Пощёлкивая прутиком, гость из первой роты прохаживался по коридору. Потом он вдруг остановился. Митя не знал, почему гость обратился именно к нему.

— Примеряете? — спросил гость.

— Да вот... — сказал Митя. — Вот только...

И гость улыбнулся и опять пристукнул прутиком по своим брюкам.

— Хорошо, хорошо, — произнёс он. — Да вы занимайтесь. Получайте. Я подожду.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 8.

Митя не понял, кого выпускник собирается ждать. Он посмотрел ему в лицо в попытке понять.

— Примеряйте, — сказал гость. — А потом... подойдите ко мне. Хотелось бы с вами... поговорить...

«Со мной? — подумал Митя. — Но о чём?»

Стоя в очереди, Митя озадаченно поглядывал вдоль коридора. Всё получив и примерив, он издали посмотрел на выпускника — действительно ли тот ждёт. Тот продолжал стоять у окна, и всё было непонятно. Митя, приблизившись, остановился в нескольких шагах. «Окликнуть? Сказать — вот он я? Но для чего я понадобился?»

Выпускник повернулся сам.

— Освободились? — спросил он. — Пойдёмте.

Митя послушно пошёл. Их провожали взглядами, взглядами же спрашивали Митю, куда они идут. Но Митя и сам не знал. Они вышли на парадную лестницу.

Так же, как у чёрной лестницы, свой характер был и у парадной.

Взмокший от возни — ремень набок, гюйс торчком, — ты нечаянно вылетал, оторвавшись от преследователей, из коридора на парадную лестницу, и вдруг — зимой ли это было или летом — тебя тут же прохватывал какой-то холодок, ты оглядывался и начинал одёргивать и оглаживать на себе

мятую форму. И голубоватые алебастровые завитки стеной лепки, решётчатые переплёты оконных рам (мотивы любимого Петром голландского барокко), кованое железо и драеная латунь вдруг обступали тебя, и ещё минуту назад забывшийся в игре мальчишка, ты превращался тут же в существо совершенно иное — гулкие ступеньки парадной лестницы как бы требовали белых перчаток, размереннейшего шага, ясных служебных слов. Всё происходящее на парадной лестнице приобретало отпечаток если ещё и не торжественности, то размеренного паузами давнего и устойчивого порядка.

В пролёте парадной лестницы висела на цепях гирильда фонарей. Фонари были подобны корабельным, а тишина лестницы была тишиной дисциплины. Лестница эта, в отличие от чёрной, блюла служебные часы, а для неё они были всегда служебными. И рассыльный по училищу через каждые полчаса приходил на нижнюю площадку лестницы к сигнальному колоколу — корабельной рынде со старого броненосца — и с лёгкими позвякиваниями, приладив на нутряной гачёк железный язык, с наслаждением и страхом закрывая глаза, дёргал. Ледяная гора тишины раскалывалась снизу вверх и рушилась. А рассыльный снимал язык и уже не остерегался лишних звуков, потому что минут пять ещё жил оглохшим. Парадную лестницу по совокупности морских её деталей лестниц уже не называли. Хочешь не хочешь, но то был трап.

На этот трап выпускник и вывел Митю.

Шли молча. Митя ничего не понимал. Трап был совершенно пуст, лишь несколькими этажами ниже кто-то прошуршал коротко шагами, и снова тишина повисла в пролёте.

Выпускник остановился.

— Моя фамилия — Еропкин, — произнёс он. — Зовут Сергеем. А вас?

Митя назвался. Сергей повернул его к себе, посмотрел в лицо.

— А когда началась война, — сказал он. — Сколько тебе было?

Митя уже настроился на это странное «вы», а тут вдруг — «тебе», да так душевно, мягко...

— Четыре... — ответил он. — Почти четыре.

— А отец?

Митя вскинул на Сергея глаза. Он опять хотел было про себя удивиться, почему именно его из всех выбрал этот высокий, спокойный юноша, но опять такая мягкость, такой свет были в глазах выпускника, что вместо удивления Митя почувствовал что-то совсем другое. Доверие?

— Под Ленинградом, — ответил Митя. — В сорок втором.

— А мама?

Так или иначе Мите и при поступлении, и раньше, и позже уже не раз задавали такие вопросы. Но так заглядывая в глаза — никогда... У Мити в горле сжалось, и маленьким, беззащитным почувствовал он себя на этой парадной лестнице. Ему вспомнился лесной городок, коричневая вода полноводной реки... «Не надо, не надо вспоминать, — думал он. — Я же старался, зачем он...»

— Нет, нет, — сказал выпускник. — Нет. Ты не должен.

Он не бросился к Мите, не обнял его — этого бы Митя не выдержал, — он просто стоял рядом. Он даже не положил ему на плечо руки, только смотрел на Митю, и глаза этого совсем взрослого уже для Мити человека страдали и мучились вместе с Митей.

Звонящая тишина парадной лестницы вдруг стала шуршащей, пульсирующей.

— Всё, — повторил Сергей. — Всё.

Он взял Митю за плечо и подтолкнул — иди. Они стали подниматься. На этаж поднялись, на два. Дальше уже не было ротных коридоров. «Куда это мы?» — думал Митя. Выше была только столовая и кухня.

«Митя пил шипящий мелкопузырчатый лимонад, перед ним лежали два коржика...»

Поднялись.

— Нет, вот сюда, — сказал Сергей.

В этой стороне верхнего этажа Митя ещё не был. Перед застеклённой дверью висела табличка со странной надписью «Буфет». Буфет — это шкаф для посуды, Митя знал лишь такое значение этого слова. Митя тогда ещё не знал, что под словом «буфет» может подразумеваться и такое место, где продают что-нибудь съестное. Он с удивлением посмотрел на выпускника.

— Сюда, — подбодрил тот.

Каждый нынешний человек постоянно пользуется услугами буфетов. На вокзалах и аэродромах, на станциях и в гостиницах, после лыжной прогулки и перед тем как углубиться в грибной лес, когда мы спешим и когда нам просто лень готовить дома, мы заходим в буфет. Под стеклом перед нами — десятка два видов пищи, а мы смотрим на них равнодушно-пренебрежительно. Буфет. Разве, вообще говоря, это пища? И под нашими взглядами то, что и было здесь свежим, сохнет, киснет или деревенеет. Бутерброды, паштеты, салаты и традиционная куриная нога, которую мы обязательно должны так, чтобы услышала буфетчица, назвать спортивной. Впрочем, о таком обилии названий еды Митя Нелидов в 1948 году совершенно и не подозревал.

Предметов продажи в училищном буфете было два. Первое — лимонад, второе — коржики. Роскошь — понятие весьма относительное. Роскошь — это, вероятно, только то, что мы как роскошь воспринимаем. Когда Митя вырос, он попадал иногда за крахмальные столы, выстроившиеся вдоль празднично украшенных залов. Случалось ему сидеть и под цветущими вишнями, где цыган в расшитом жилете бродил от столика к столику, играя на скрипке Брамса. А в Париже, в маленьком зале с тёмным дубовым потолком Дмитрию подали печёных виноградных ули-

ток с таким дивным и сильным запахом, что тёмно-красный сеттер, который, свесив шёлковые уши, подрёмывал у соседнего столика, даже приоткрыл на этот запах свои шоколадные человеческие глаза. И всё-таки более яркого пиршественного воспоминания, нежели от того посещения комнаты с надписью «Буфет» на верхнем этаже училища, у Мити за всю жизнь не было.

Митя пил шипящий мелкопузырчатый лимонад, перед ним лежали два коржика, и на него мечтательными тёплыми глазами смотрел высокий красивый юноша, которого Митя час назад ещё не знал. Выпускник вовсе не заставлял Митю переходить на «ты». То есть он-то Митю так называл, но Митя его — не смел.

Ни тогда, ни потом Митя так и не понял, почему Сергей Еропкин пришёл к ним в коридор и почему именно его, Митю, выбрал, чтобы повести в буфет.

— Сколько тебе лет сейчас? — спрашивал Сергей, и когда Митя отвечал, что двенадцать, то Сергей что-то про себя шептал. То ли название того места, где был он сам в двенадцать лет, то ли что это был за год. Год Митя подсчитать мог — год был сорок третий: Сталинград, но всё ещё блокада. Сергей искал в Мите что-то забытое или недопережитое им самим, а может, как раз наоборот — оберегал Митю от того, чтобы тот не пережил чего-то хорошо известного ему, Сергею. Во всяком случае, когда он как-то вдруг — он приходил уже не во второй и не в третий раз — предложил Мите заняться изучением морских течений, это прозвучало совершенно неожиданно.

— К примеру, Гольфстрим, — сказал Сергей. — Слышал о таком течении?

— Слышал... То есть не знаю.

— Ну так вот... — сказал Сергей. — Я, конечно, тебе не навязываю. Но я-то сейчас... Просто мне больше видно... Ты кем хочешь быть?

— Офицером.

— Ну, офицерами-то мы все будем. А ещё кем?

Митя пожал плечами.

— В любом случае то, что я тебе предлагаю, не помешает. Выбери любое... Не знаю что. Но собственное, не по программе. Вот я тебе и предлагаю на первый случай — Гольфстрим. Величайшее течение. Напиши доклад.

— Доклад???

— Да, доклад! А напишешь — сделаем так, чтобы ты с ним выступил.

— Выступить? Чтобы я... Выступить с докладом???

— Именно.

Мите было двенадцать лет. У него мурашки пошли по телу.

— Да... что я скажу?

— Вот то-то и оно, — сказал Сергей. — То-то и оно, что как только начнёшь чем-нибудь с интересом заниматься, уже через неделю ты будешь знать об этом предмете больше, чем все другие... Ну, почти всё. Я почему тебе предлагаю именно Гольфстрим? Я им сам как-то занялся, да сейчас уже не успеть. Готовимся к экзаменам... А у меня всякие записи есть, я тебе их отдам. Да ты и сам разыщешь...

— Что я разыщу? — с безнадёжностью сказал Митя. — Где?

С. Рухович

МАЛЕНЬКИЕ РАБЫ

(К фотографиям
на 2-й странице обложки)

Двадцать пять лет назад Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию прав ребёнка. В ней говорится: «Ребёнку должны быть обеспечены специальный уход и охрана. Он должен быть защищён от эксплуатации. Имеет право на образование». В нашей стране и в других социалистических странах эти правила являются нормой жизни.

А как в странах капитала?

...Энрико Фулетти, двенадцатилетний паренёк из семьи неаполитанского рабочего, подрабатывал на стройке жилого дома — подтаскивал кирпич, раствор, мелкую арматуру. Поднимаясь на четвёртый этаж, сорвался с лесов... Сейчас Энрико — инвалид, навсегда прикованный к постели. Его семья существует на пожертвования добрых людей, потому что отец полгода как безработный. А подрядчик, у которого ещё трое таких же мальчиков, спящих с опасностью для жизни по этажам стройки, отделался небольшим штрафом. Да, в Италии детский труд официально запрещён, но 600 тысяч ребят в возрасте от шести до пятнадцати лет работают здесь по 13—14 часов в день. Голод, нищета, безработица заставляют их родителей «отдавать детей в ремесло».

В странах Латинской Америки тысячи маленьких детей за гроши, выбиваясь из сил, роют котлованы, рубят сахарный тростник, переносят на своих неокрепших спинах тяжести... Такая же картина и на Азиатском, и на Африканском континентах.

В хвалёной и богатой Америке насчитывается целый миллион рабочих в «коротких штанишках». Половина из этого числа трудится на хлопковых полях или на виноградных и цитрусовых плантациях Калифорнии. Их руки изъязвлены гербицидами, они постоянно страдают от малокровия и авитаминоза, хотя имеют дело с апельсинами и другими фруктами...

...300 миллионов детей на земном шаре не посещают школы. Почти полмиллиарда — голодают. Каждый десятый малыш умирает, не дожив до года.

Фотографии, помещённые на 2-й странице обложки, взяты из журналов «Свет в образах» (ЧССР), «Посвета» (НРБ), «НБИ» (ГДР).

— Да ты не понимаешь! — Сергей почти кричал. — Ты не понимаешь, как это интересно! Ты о пассатных экваториальных течениях слышал?

— Слышал... То есть нет.

Теперь он почти всегда так отвечал. Сначала казалось, что упоминаемое Сергеем ему знакомо, но тут же ловил себя на том, что знать-то он ничего и не знает.

— Так вот, представь себе, что все реки земного шара: Обь, Амазонка, Енисей, Волга — ну, то есть все сложились в один поток и текут в одну сторону. А теперь представь, что рядом течёт другой поток — который в двадцать раз мощнее. Вот это и есть Гольфстрим...

Митя открыл рот. Представить не удавалось.

— Это — колоссальная река тёплой воды в океане, если бы она целиком вливалась в какое-то море, то там прибывало бы по двадцать пять миллионов кубических метров каждую секунду...

— Откуда это берётся?

Перед Митей, как всегда, стоял стакан с лимонадом, лежали крошки от съеденного уже коржика, а перед Серёжей стакана не было, поскольку с первого раза повелось, что Серёжа только угощает. Мите было неловко пировать одному, но предложить Сергею он не осмеливался.

— А знаешь, какое особенное, таинственное место в океане там, где встречаются два течения — тёплое, Гольфстрим, и холодное, Лабрадорское. Там всегда стоят туманы, там особенно густы косяки рыб, там в туманах тихо обитают огромные ледяные горы...

— Айсберги?

— Айсберги. Слушай, пиши доклад. Знаешь, как это интересно!

Митя, конечно, и раньше ходил в библиотеку. И по тому, какие он просил книги, библиотекарьша уже его отличала, но когда он, выбрав время, чтобы в библиотеке было поменьше народу, попросил её том энциклопедии, где было бы слово

«Гольфстрим», эта седая женщина с молодыми глазами внимательно на него посмотрела. Когда он, выписав кое-какие названия и цифры, возвращал ей том, она сказала, что про Гольфстрим есть ещё в какой-то из книг Жюль Верна.

— Нет, — сказал Митя, — мне из художественных книг сейчас не нужно... А нет ли у вас чего-нибудь про морские течения?

— Приходи дня через два, я для тебя найду.

Когда через два дня он сидел в читальном зале, листая мало ему понятную книгу, заполненную научными рассуждениями о природе морских течений, библиотекарьша тихо подошла к нему сзади и, наклонившись над его плечом, сказала, что нашла ещё одну книгу — это, правда, не о самом Гольфстриме, а о рыбах угрях, но угри, оказывается, большую часть жизни проводят именно в Гольфстриме, — может быть, ему интересно?

— Ну, ты даёшь, Митя, — поразился Сергей, когда Митя рассказал ему об угрях. — Я месяца два занимался Гольфстримом, но до этого не докопался. Ты чувствуешь, что становишься специалистом?

Сердце Мити подпрыгнуло, но он сделал вид, что ничего не произошло. Ему казалось, что радоваться похвалам неприлично.

Митя не знал, что и книжку об угрях, и последовавшие за ней книги — о гренландском ките, об особенностях мореходства в Атлантике в связи с течениями, об ураганах и морских бедствиях — Серёжа десятки раз держал в руках, и именно по его совету эти книги теперь выдаются ему.

Митя об этом не знал, но вскоре стал догадываться. Догадка эта окрепла, когда как-то в качестве дополнительного задания на контрольной он получил от Глазмицкого такую задачу:

«Встречный ветер, дующий со скоростью 10 м/сек, уменьшает скорость движения судна, спускающегося по реке Миссисипи, на

1/7 его скорости. Рассчитать, на какую величину при подобном ветре изменится скорость движения судна в Гольфстриме, если изменение солёности воды вызовет уменьшение осадки судна и лобовое сопротивление надводной части возрастёт на 3 процента...»

Догадка перешла в уверенность, когда однажды полковник Мышкин остановил Митю в коридоре.

— Да, кстати, Нелидов...— пробашил он.— А почему бы вам, батенька, не поинтересоваться в ваших географических изысках и таким аспектом: Гольфстрим и советская литература? Ведь хотя бы сутки, но в водах этого течения плыли Горький, Маяковский, Есенин, Ильф с Петровым? А? Ну, что, батенька, молчите? Не думали над такой темой?

Из чего Митя узнал, что отступать ему некуда.

БАРАБАННЫЙ БОЙ

В тот день по окончании четырёх уроков они привычно гомонили в коридоре. Сберегая секунды, они уже изготовили полуфабрикат строя так, чтобы после команды: «Становись!»— каждому достаточно было сделать шаг, много — два, и общая неразбериха превратилась бы в чёткий строй. Однако сегодня их приготовления оказались преждевременны: ещё перед командой им приказали разобрать головные уборы. В бескозырках строй сразу построжал и притих. И когда вместо того, чтобы вести их в столовую, дежурный офицер повернул роту вниз, Митя ощутил безотчётный страх.

Он поглядел в пролёт — вдоль латунных перил по всем этажам парадной лестницы спускались в напряжённом молчании накрытые бескозырками роты. Офицеры, словно у всех было сегодня дежурство, были при пистолетных кобурах. Митя почувствовал, как что-то сдавило его изнутри. «А вдруг это... из-за меня?»— подумал он. Он не мог вспомнить за собой ничего такого, ради чего на-

до бы собирать не то что всё училище, но даже их взвод, однако страх почему-то не проходил. Митя посмотрел на своих соседей по строю. У всех на лицах можно было прочесть то же, что сейчас чувствовал он. Роты, шаркая подошвами, безмолвно втягивались в актовый зал.

Озирая прибывающие роты голубыми старпомовскими глазами, посреди зала стоял начальник строевого отдела. Он тоже был перепоясан ремнём с кобурой. Показывая, как расставлять роты, он нетерпеливо и резко отмахивал рукой. За его спиной у барабанов, стоящих на паркете бочком, переминались двое матросов из музкоманды.

— Ро-ты!— выдохнул начальник строевого отдела, и во рту у него приглушённо блеснул металлический зуб. Училище замерло.— Рав-няйсь!

Когда Митя повернул голову, чтобы, как требовал того устав, увидеть грудь четвёртого человека, то, кроме груди этого четвёртого человека, он увидел строй «зёрен», которые стояли перпендикулярно строю их роты. Среди «зёрен» Митино внимание привлёк один парень. Строй неприятной Мите роты, как и все остальные, повернул головы направо, все подобрались и подтянулись, лишь один этот воспитанник стоял, ослабив ногу и усмехаясь, и не только не тянул подбородка направо вверх, а вообще голову не поворачивал.

Это неповиновение команде, о степени которого Мите страшно было даже подумать, гипнотически приковало его. «Да это же Куров»,— изумлённо понял он. Курова узнать было трудно. Что-то непонятное, даже жалкое было в развязной стойке Курова. Но начальник строевого отдела, который должен бы немедленно пресечь неповиновение наглеца, почему-то совсем Курова не замечал.

— Смир-ря! Равнение на...

В широко распахнутые двери актового зала входил начальник

училища в сопровождении заместителей.

— ...середину! — допел начальник строевого отдела и, вскинув руку к козырьку, отпечатал несколько шагов навстречу вошедшим.

Митя опять невольно скосил глаза на Курова. Тот ещё ужасней, ещё наглей усмехался. И хотя он по-прежнему стоял в строю, но, будто уже совсем забывшись, одну руку засунул в карман. Носок его ботинка приплясывал. «Сумасшедший», — подумал Митя. Ему стало ещё страшней. Вот, значит, с кем он тогда связался. Да это ж бандюга просто какой-то...

— ...по вашему приказанию построено! — доканчивал рапорт начальник строевого отдела.

Начальник училища молча опустил руку от козырька.

— Все тут? — спросил он неприязненно, хотя никакого смысла в таком вопросе и не было — зал был набит ротами до отказа. Начальник строевого отдела поспешил подтвердить. Начальник училища хмуро кивнул, упрямо отводя глаза от окружающих его со всех сторон шеренг.

Наступила тишина. На парадной лестнице звякнули склянки, на Неве коротко гукнул буксир, а начальник училища всё стоял и

стоял, ничего не произнося. Наконец он всё же поднял глаза и тут же вскинул взгляд выше — поверх их голов, так, чтобы не видеть впившихся в него глаз.

— Позор, — тихо произнёс он. — Позор, какового ещё не имели.

Он сказал именно «какового», и угловатое это слово из старых уставов, неловко кувыркаясь, полетело сейчас над ними, неведомым образом внушая им ужасность причины их сбора.

«Какового ещё не имели!» Митя замер не дыша.

— Когда-то за подобное — руки рубили. И вот ныне являем собой...

Начальнику училища никак было не высказаться. Произносил фразу, останавливался. «Каковой», «подобное», «являем»... Слова-тяжеловесы, сцепляясь, боролись друг с другом.

— Чего, скажите, ну чего вам не хватает?! — вдруг крикнул начальник училища. — Деревня недоедает, город недосыпает, а вам — всё лучшее, всё новенькое! Мундирчики к параду шьём! Утром — каждому французскую булочку! Лучшие преподаватели города вас учат! А вы? Вы сами-то? Память ваших отцов, которые в бою погибли, как вы бережёте? Уступили бы место тем, кто рвался в училище попасть, да не попал! А таких

ПРОЧИ ЭТУ КНИГУ

...Жил-был мальчик. Он очень любил разговаривать с солнцем. Больше всего мальчику нравилось, что солнце всегда улыбается.

— Привет, солнышко! Как дела?

— Всё в порядке. Чувствую себя счастливым и горяченьким...

Это из самого начала сказки, рассказанной португальским писателем Гарсиа Баррету. Она так и называется — «Мальчик разговаривает с солнцем».

...Однажды отец достал со дна сундука длинную жёлтую камышинку. На её округлой гладкой поверхности были просверлены небольшие отверстия. Отец продул их, затем, перебирая отверстия пальцами, принялся легонько дуть в камышинку. И начались чудеса...

А это из рассказа монгольско-

ведь тут... набережная была забита, к подъезду не подойти!

Лицо начальника училища налилось краской.

— Ну, ладно, шалость. Разберёмся, пожурим. Ну, подрались по горячности — накажем, но наказав, простим. Ну, самовольство — куда деваться, не все ещё повзрослели, не все ещё поняли, что такое военная служба...

Митя слушал, всё больше цепенея. Каждое из слов, которое произносил начальник училища, всё больнее, всё глубже отдавалось в нём.

— Мы прощали многое, пока можно было прощать, — продолжал начальник училища, — но холодное, замышленное, заранее обдуманное воровство...

Мите показалось, что пол под ним поехал.

Пять лет назад, когда Митя с бабушкой были ещё в эвакуации, Митя совершил кражу.

У трактористки тётки Шуры, их соседки по дому, на валенках были галоши красной резины. Ближе к весне к этим галошам начинали присматриваться все окрестные мальчишки. Замысел был общим,

но выполнять его должен был один Митя, поскольку жил с тёткой Шурой в одном доме. Тётка Шура составляла не всегда нужные ей валенки между двойными входными дверями и, чтобы совсем уж их замаскировать, надевала на них сверху пустое ведро. С перепугу Митя стащил с валенок лишь одну галошу, и её тут же пустили в ход. Но взрослые по одной галоше не воруют, и тётка Шура подстергла появление на улице первой же рогатки из красной резины. Как бы нечаянно идя мимо, она вдруг защемила ухо обладателю рогатки своими машинно-тракторными пальцами и так быстро поволокла его за собой, что тот, визжа, сразу же указал на Митю.

Митю и его бабушку тётка Шура дома не обнаружила и отправилась на дежурство в МТС, где всю ночь ремонтировала свой тяжёлый гусеничный трактор С-60, накаляясь всё более и более. Возможно, что если бы трактор у неё был полегче или хотя бы не гусеничный, то злость тётки Шуры не казалась бы ей таким праведным гневом. Однако лязганье гусениц, под которое проходила основная часть жизни тётки Шуры, внушило ей мысль о том, что она прак-

го писателя Лодон-чийна Тудэва «Музыка».

...Кетыш — маленький слуга. У него нет ни отца, ни матери. Он в большом синем фартуке, таком длинном, что почти не видно его ног в холщовых тапочках на верёвочной подошве. Руки его потрескались, распухли и все в ссадинах от вечного мытья посуды.

— Тебя хозяйка била?

— Вчера вечером.

— Больно было?

— Не знаю... Я уже привык...

Это аргентинский писатель Альваро Юнке знакомит читателей с героем своего рассказа «Бутылка молока».

тически танкистка, и, видимо, поэтому, вломившись на рассвете в комнату Нелидовых, она и закричала о «злостном хищении обмундирования». Кулаки её, которыми она размахивала в воздухе, были похожи на две чёрные кувалды.

Бабушка Мити вскочила и, ничего со сна ещё не понимая, принялась скорее одеваться, чтобы бежать за тёткой Шурой кому-то помогать. Однако по мере того, как она понимала, зачем тётка Шура к ним влетела, голос бабушки становился всё холодней.

— Да вы ошиблись, милочка! — наконец сказала она. — Ошиблись, Митя не мог этого сделать!

— Чего не мог-то?! А это что?

И тётка Шура выхватила из кармана комбинезона рогатку. На рогатку бабушка даже не посмотрела и повторяла, что Митя сделать такого не мог. Тётка Шура ещё больше рассвирепела. Но чем громче она орала, тем спокойнее становилась бабушка.

— Сергеевна, да ты што? Ты сама у него спроси! — кричала тётка Шура. — Вон, змеёныш, глазами водит! Ну, говори сам! Брал?

И две чёрные кувалды нависли над одеялом, под которым лежал омертвевший Митя.

Но сухонькая Митина бабушка

в ту же секунду оказалась между кроватью и тёткой Шурой. И Митя увидел, в первый и единственный раз в жизни, как бабушка топнула ногой. Тётка Шура ещё долго кричала и махала руками, пока бабушка не сказала, что сейчас вызовет помощь.

Когда бабушка с Митей остались одни, он хотел признаться бабушке, но бабушка не стала его слушать.

— Ты не мог этого сделать, — очень спокойно и ровно сказала она. — Я не верю.

— Но это я...

— Ты не мог этого сделать. Бедной женщине, конечно, надо помочь, но это уже другой вопрос...

Красной, замечательной, довой резины, из которой были склеены галоши тётки Шуры, в городке достать было невозможно. Через некоторое время тётка Шура сообщила, что согласна и на чёрную, но не достать было и чёрной. Когда Митя с бабушкой уезжали в Ленинград, тётка Шура, уже не смеявшая обвинять Митю и почему-то начавшая бояться бабушку, всё же произнесла, что теперь-то уж галоши её точно плакали, но бабушка посмотрела на неё строго, и та сразу притихла. И хотя Митя не только знал о том,

...В ночь накануне того дня, когда я стал киноактёром, мне приснился очень странный сон. Мне снилось, что директор мясного магазина стал круглым, как воздушный шар, и начал медленно подниматься вверх. Он жалобно смотрел на меня сверху и стонал:

— Ну сделай же что-нибудь! Слышишь?!

Так начинается рассказ «Как я стал киноактёром» венгерский писатель Иштван Чукаш.

...Всю ночь на землю лился тёплый проливной дождь. Долины и луга покрылись прекрасными цветами. Птицы радостно пели, бабочки и пчёлы перелетали

с цветка на цветок. Природа ожила. И каждый знал, что пришла весна, а с ней надежда, что природа будет щедра, а люди — счастливы!

Такими словами заканчивается мадагаскарская сказка.

Все эти произведения напечатаны в одной книге. В ней ещё можно найти японские, арабские и французские сказки, стихи и рассказы детских писателей Болгарии, Испании, Вьетнама, Индии, Италии, Чехословакии... Названа книга очень точно и символично — «Книга дружбы», а выпущена в Москве в издательстве «Детская литература» в нынешнем 1985 году.

что бабушка отсылала какую-то посылку тётке Шуре, но и сам эту посылку относил на почту, однако сейчас, когда перед строем училища пролетело слово «воровство», он начисто забыл об этой посылке и с ясной простой очевидностью решил — раз «воровство», то это — о нём. В городке, конечно, узнали, что Митя теперь нахимовец, и тётка Шура решила ему отомстить. Митя сейчас забыл даже то, что нет-нет, а пропадёт кое-что в их роте — то перочинный ножик, то три рубля, то кожаные перчатки, а однажды пропали даже коньки на ботинках.

Начальник училища — Митя впервые так близко его видел — заканчивал свою негладкую речь. И вдруг Митя увидел, что брюки у начальника училища немного коротковаты. И рукава коротковаты. И шея торчит из высокого воротника кителя как-то по-птичьи. И совсем не по-строевому этот человек сутул. И вот ещё говорит так странно... Но в следующее же мгновение Митя поднял взгляд и посмотрел в глаза капитана первого ранга, и до него опять не через прямой смысл произносящихся слов, а словно помимо них, дошло то напряжение, в котором капитан первого ранга держал сейчас весь

зал. Честь — бесчестье, доброе имя — позор. Пожилой человек в коротковатых брюках произносил отрывистые слова, и от этих слов мальчишки бледнели.

«Пусть только в этот раз, в этот единственный раз мне простится, — думал он, — я знаю: вора нет прощения, но мне было всего семь лет, я ничего не понимал, ну пусть же мне простится один разочек... И я на всю жизнь, сколько бы ни прожил, клянусь никогда ничего чужого... И ещё обещаю, да, да, обещаю совершить что-нибудь очень хорошее, такое, чтобы... Спаси! Да, спаси кого-нибудь! Обещаю, что спасу! Пусть только на этот раз мне простится!»

В измученной ожиданием душе Мити начался какой-то отлив. Промелькнула надежда, что сбор всё-таки не из-за него. Если в его преступление не поверила бабушка, то неужели так легко поверит этот грозный, особенный и, конечно, справедливый человек, который, подобно древнему богу, мечет сейчас над ними свои сверкающие молнии? И Мите вдруг почудилось с несомненностью, что встретится капитан первого ранга с его бабушкой, они сразу бы поняли друг друга. Да, да, без объяснений, без долгих разговоров — сразу. И если

Придумала «Книгу дружбы» наша замечательная детская писательница Агния Львовна Барто — её стихи знают все, даже малыши. Когда книга придумывалась, Агния Барто была также и президентом Ассоциации деятелей литературы и искусства для детей. Агния Львовна не успела завершить начатое дело, после её смерти это сделали её товарищи по общественной работе.

Предваряя «Книгу дружбы», Альберт Лиханов, нынешний президент Ассоциации, написал: «Человек богат друзьями — это старая, хорошо известная истина. Так что, представляя вам книгу писателей мира, я ещё предлагаю

вам шкатулку с подлинным богатством, которому нет цены. В этой шкатулке доброта и фантазия, любовь и нежность, отвага и мужество, честь и достоинство. Что может быть дороже?»

Мы сегодня не случайно рекомендуем вам прочесть именно эту книгу. Совсем скоро, 7 октября, в нашем городе откроется Всесоюзная творческая конференция писателей — «Ради жизни на земле». Приедут к нам и детские писатели из других стран. Как знать, может быть, среди них будут и авторы «Книги дружбы» и вам предстоит с ними встречи на читательских конференциях?

бабушка считала, что Митя не способен сознательно украсть, а значит, произошло просто недоразумение, то разве капитан первого ранга, посмотрев Мите в лицо, не поймёт того же?

— Читайте приказ! — сказал начальник училища.

Конец. Больше уже бабушка ни от чего его не спасёт.

— Училище... Равняйся! Смирна! Слушай приказ!

Старший офицер строевого отдела выдвинулся вперёд и, раскрыв чёрную папку, поднял её к глазам.

Никакого отношения к Мите и к красным галошам приказ не имел.

В приказе говорилось о воспитаннике Курове. Несколько дней назад Куров был пойман на воровстве. В роте уже давно пропадали деньги и личные вещи воспитанников, но неоднократно подозреваемому Курову удавалось запугать тех, у которых он эти деньги и вещи крал. Пойманный старшиной, который давно за ним следил, на воровстве нового бушлата, Куров пытался спастись ложью, но был уличён. Дальнейшим дознанием было установлено, что бушлат он намеревался продать и что предыдущие пропажи денег и личных вещей воспитанников — также дело его рук. Кроме того, Куров, пользуясь физической силой и угрозами, систематически отбирал у воспитанников пищу, которую те приносили из города или получали в посылках. За совершённые поступки, которые могут быть определены как преступные, воспитанник Куров отчисляется из училища. В воинскую часть, где до училища Куров служил юнгой, будет сообщено о причинах его отчисления.

В зале стояла синяя ледяная тишина.

Снова раздалась команда «равняйся!». По нарастающему стуку сердца, замечая всё новые приметы чего-то ужасного, что сейчас

должно произойти, смотрел Митя на совсем извихлявшегося в строю, теперь уже несчастного Курова. Куров продолжал усмехаться, но если бы он закричал или застоялся, — это и то было бы не так страшно. Казалось даже, что сейчас Куров рванётся из строя и убежит. Наверное, это показалось не одному Мите, потому что начальник строевого отдела вдруг резко повернул голову к входным дверям, и стоявший около дверей матрос бесшумно их притворил.

В центре зала продолжали идти приготовления. Выдвинутые на середину барабанщики по команде надели через головы брезентовые ламки барабанов. Потревоженная движением, тугая ослиная кожа барабанов испустила в зал тревожно-гнетущее ворчание. Перед барабанщиками встал с ножницами в руке здоровенный, щеголеватый одетый сверхсрочник, и начальник строевого отдела — мол, всё готово — повернулся к начальнику училища.

И опять наступила страшная тишина.

— Приступайте, — сказал начальник училища.

Начальник строевого отдела повернулся к строю, и Митя Нелидов опять увидел, как мутно блеснул у него во рту металлический зуб.

— Воспитанник Куров, десять шагов из строя ша-ГОМ... МАРШ!

То, что он сделал не десять шагов, а лишь столько, сколько надо было, чтобы дойти до сверхсрочника с ножницами, было последним героизмом Курова. Но, видно, огромный старшина, который будет с ним что-то делать, уже примагничивал внимание Курова. Впившись глазами в ножницы, Куров подходил к старшине, как луна-тик, каким-то заплетающимся шагом.

— Училище... СМИР-НА!

Куров вздрогнул и остановился.

И в это время грянул барабанный бой. Барабаны ударили не маршевую ритмическую дробь, к

«Он посмотрел им в глаза, посмотрел, кажется, всем, пройдя от одного конца строя к другому, а потом и назад...»

которой Митя Нелидов стал уже привыкать. Сейчас весь воздух наполнился каменной крупой — она сыпалась, как град. Зажать бы уши и убежать, а барабаны всё рычали, и невыносимый момент всё длился и продлевался и никак не мог дожить до своего конца.

Наконец дробь смолкла.

— Да давайте же скорей! — вдруг резко выкрикнул начальник училища.

— Снять с бывшего воспитанника Курова знаки отличия нахимовца, — приказал начальник строевого отдела.

Вот для чего, оказывается, были нужны ножницы. Ленточки с бескозырки можно было спокойно снять, но сверхсрочник их срезал. Затем сверхсрочник взял погончик на плече Курова в пясть и рванул так, что дыбом встали лопнувшие нитки... Митю начала бить дрожь, а старшина содрал с Курова синий воротник и напялил на голову Курова бескозырку, которая без ленты сразу стала арестантской.

— Бывший воспитанник Куров, марш из зала! — скомандовал начальник строевого отдела.

Куров сорвал обесчещенную бескозырку и побежал. Вдогонку ему снова грянула барабанная дробь.

Всё было кончено.

Однако их почему-то никуда не вели. Роты стояли и стояли в зале. Начальник училища глядел в пол и не давал команды. Потом он тяжело сошёл с места и приблизился к строю четвёртой роты. Он посмотрел им в глаза, посмотрел, кажется, всем, пройдя от одного конца строя к другому, а потом и назад. Четвёртая рота стояла, как каменная.

Начальник училища остановился перед серединой их строя.

— Эх, вы, — сказал он. — Сами-то... Сами-то где были? Куда смот-

рели? Он что — в вакууме существовал? Своего же и не уберегли... А? Своего!

И, махнув рукой, пошёл в дверь. Уходил из зала вовсе не бог, а старый человек, почти старик, и ему сейчас горше было, чем всем им, а уж радость какую-нибудь испытать от своей власти или просто удовлетворение... Куда там!

— Нелидов! — крикнул над ухом Мити дежурный по роте. — Заснули?

Их рота уходила из зала.

Потом их отвели к вешалке, распустили на тридцать секунд положить бескозырки, снова построили и повели в столовую. И Митя вместе со всеми делал то, что нужно — поднимался по лестнице, выходил из строя, снова вставал в строй, — но был он сейчас, как во сне.

Лишь позже, может быть, через несколько дней, у Мити в памяти в связи с тем, что произошло, стала всплывать ещё одна картина. Она накладывалась на первую. Нечаянным образом он запомнил, как тогда в зале вёл себя Толя Кричевский. Толя стоял в строю рядом с Митей. Услышав в приказе фамилию Курова и поняв, что Курова гонят из училища, Толя форменным образом побелел, потом покраснел и задышал так, словно одним махом взлетел на десятый этаж. Глаза Толи побежали по строю четвёртой роты, он словно хотел им что-то крикнуть, крикнуть так, чтобы всё училище слышало... Губы Толи шевелились, он несколько раз дёрнул плечами.

Однако ни в тот день, ни в следующий Толя опять ничего Мите не объяснил, а случилось это лишь через много месяцев, когда они оба оказались ночью в лесу и понимали, что если заснут, они проспят то, ради чего их в эту «разведку» и послали.

(Продолжение следует)

«ПЯТНАШКИ, ПЯТНАШКИ...»

Детские песенки, загадки, считалки, потешки
из фольклора Испании

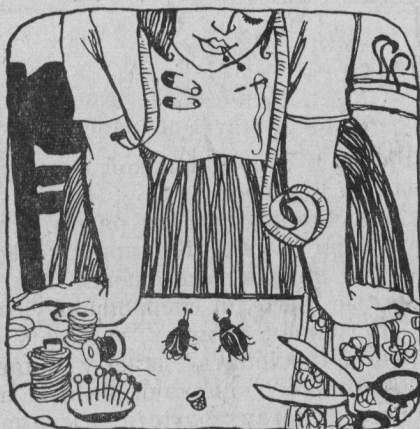
Пошли нам душ,
повелитель луж.
Дай водицы
моей пшенице;
вторую бадью —
моему ячменю.
Ливень хлынет —
созреют дыни.

Видел я, как сеет мышка,
Как цыплёнок жарит пышки.
И кот — на косовице...
Вот какие небылицы!

Царица морская стоит перед вами,
Если поверите в это вы сами.

Пятнашки, пятнашки;
приползли букашки
попросить манишек
для своих детишек.
Сев на антресоли,
голубь просит соли:
у него в котле еда,
а без соли — никуда.
Под котлом — огонь,
его топчет конь,
конь подковой — цок:
догони, дружок.

ТРИ ЗАГАДКИ

Что это такое:
в реку упадёт, а выйдет сухое?
(впнгноо ьлг')

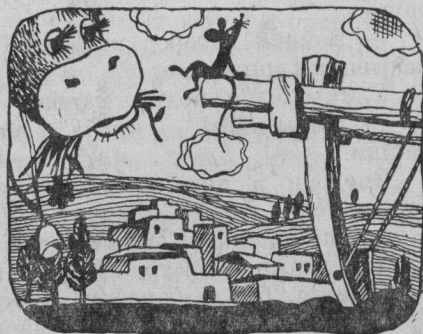
Однозубый дед,
а разбудит весь свет.

(Кюоюою)

Полна листов, а не ракета,
не зверь, а кожей покрыта.
(Кинж)

САМЫЙ КОРОТКИЙ РАССКАЗ

Мышонок на плуг взгромоздился,
на плуг взгромоздился, и сказке —
храбрец,
конец.

Перевёл с испанского
Вс. Багно.

Рис. О. Вороновой

ЧАСТЬ I БАЛАГАННЫЙ ЛЕВ

КОЛЛЕГИ

Когда лев и Яшка Кошкин утром проснулись, то увидели, что над ними склонились двое: толстый и тощий. И оба улыбаются задумчиво.

Лев сделал для разминки двойное сальто и спросил:

— Господа, надеюсь, мы — коллеги?

— Коллеги, — торопливо сказали толстый и тощий. — Маэстро Грохот и маэстро Зуб.

Лев снял с повозки тюк, развязал его и предложил коллегам выбрать одежду и музыкальный инструмент.

— Войдём в город как подобает настоящим циркачам.

Улицы были полны народа.

— Цирк идёт! — кричали мальчишки.

Впереди в широкополой шляпе шагал лев — трубил в трубу. Рядом с ним шёл Яшка Кошкин с медными тарелками. Маэстро Зуб, одетый Арлекином, бил в барабан. Маэстро Грохот, в красном трико и чёрной

футболке с чемпионской лентой, играл на геликоне.

Мальчишки прыгали рядом. Кричали, как бесы. Крутили колёса. Девочки кидали циркачам цветы. Взрослые жители сдерживали улыбки, но ладони у них чесались от желания похлопать — даже у гениев.

Вчетвером циркачи быстро поставили балаган, сколотили скамейки и открыли кассу.

В кассе сидел маэстро Зуб. Маэстро Грохот вежливо проверял билеты.

Лев и Яшка стояли на балконе над входом в балаган и зазывали народ.

— Спешите! Спешите! Бросайте все дела!

— Единственное представление!

— Сто двадцать шесть рекордных трюков!

Тут Яшке залепили в лоб огрызок яблока. Яшка посмотрел в толпу. Девчонка, та самая, с накрашенными красными сандалиями, показывала ему язык.

«После представления я эту принцессу поймаю — надаю по шее!» — решил Яшка и закричал:

Продолжение. Начало в «Искорке» № 8.

— Спешите! Спешите!
Ему нравилось так кричать.

ВЫ ЖУЛИКИ!

Кузнецову дочку звали Даруня. Кузнец её баловал.

Известно, если кузнец куёт не мечи, а ключи, то его дочка рот открывает первой, а закрывает последней.

— Лучше бы у меня был сын! — сокрушался Давыд. — Он бы меня уважал. Дочки длинноязыки и непочтительны.

— Лучше бы ты ковал гвозди и скобы да лошадей подковывал, — отвечала кузнецу дочь Даруня. — А туристов можно было бы прогнать палкой.

— Палкой? Они же — люди!

Даруня засмеялась.

Когда приехал цирк, Кузнец сказал дочери:

— Денег на билет не получишь. Кто смеётся над всеми, пусть посмеётся и над собой. — И, повязав на шею красный платок, пошёл к Гидрогению в гости.

— Иди, иди! — крикнула Даруня ему вслед. — Может быть, сегодня вы наконец улетите на мыльных пузырях.

В подвале городской водокачки Кузнец Давыд и Гидрогений Астигматюк уселись дегустировать сладкое мыло, только что сваренное и ещё тёплое. Мыло в воде не тонуло. Глаз не щипало. Благоухало. Вызывало улыбку. Пузыри получались тугие и радужные. Друзья решили, что мыло отвечает самым придирчивым вкусам самых придирчивых детей. Они обнялись и запели.

А Даруня и не заметила, как очутилась у цирка.

В касе цирка сидел маэстро Зуб — курил. В проходе стоял маэстро Грохот — ковырял в ухе. Они говорили на таинственном языке. Даруня поняла только фразу: «Все чудилы тут».

— Пора, — сказал наконец маэстро Зуб сквозь сигаретный дым.

— Пора, — сказал маэстро Грохот, чихнув.

Даруня, незамеченная, обошла балаган, нашла прорезанную каким-то безбилетником дырочку и прильнула к ней глазом.

Нарядный лев ходил по проволоке. Мальчишка бросал ему тарелки, шляпы, факелы — лев ими жонглировал.

Но вот лев спрыгнул и под гром аплодисментов раскланялся. А этот воображала Як Фляк — «везёт же

некоторым!» — навалил на складной круглый столик верёвок, цепей, замков и объявил:

— Рекордный трюк! Маэстро Зуб освободится от любых узлов, петель, цепей, замков. Желающих скрутить маэстро Зуба прошу на арену!

На арену полезли желающие. Принялись дёргать цепи.

Лязг цепей что-то Даруне напомнил. Она ударила себя кулаком по лбу: «Они!» Прижала ладони к щекам: «Один — Сластёна. Другой — Верзила».

Вышел из балагана Яшка. Зашипел громко:

— Маэстро Зуб! Где вы, маэстро Зуб?

— Тут я, — сказала Даруня.

— Ваш выход...

Яшка Кошкин наткнулся в темноте на девочку, швырнувшую в него огрызком яблока.

— Ага-а... — сказал.

— Ага-а... — сказала она, презрительно скривилась и спросила: — У того, толстого, кличка — Верзила? А у того, тощего, у Зуба — Сластёна?

— Не знаю, — честно сказал Яшка.

Даруня засмеялась.

— Поздравляю, Як Фляк Хиляк. Они всю выручку украли. Это же

два нахальных жулика — Сластёна Зуб и Верзила Грохот. Они из тюрьмы удрали — в газетах напечатано, с портретами.

— Ври, — сказал Яшка, холодея.

— Соври ты так... — Даруня вдруг отступила от Яшки и прошептала: — Вы с ними заодно. Вы специально зазвали всех в цирк, а Верзила Грохот и Сластёна Зуб город грабят. Вы — жулики!

Сначала у Даруни было желание вбежать в цирк и всё всем рассказать, но тут же у неё возникло другое желание — спасти город самостоятельно. И это желание победило. Даруня засветила Яшке в глаз кулаком — у Яшки в голове звёзды вспыхнули.

— Ах ты! — только и закричал он.

Известно, что после хорошего удара в глаз, тем более в сумерках, зрение очень ослабевает. Яшка Кошкин гнался за Даруней, почти ничего не видя. Но может, он и догнал бы её и всё закончилось примитивной дракой, если бы не творение гения.

Проживала в городе Форсе Кронода — гений лестничный. Она строила лестницы, ведущие в никуда — лестницы-монументы, — и утверждала, что подъём по такой лестнице поднимает дух, настроение,

уважение к себе, укрепляет ноги, сердце, лёгкие и любовь к своему краю.

Яшка Кошкин, взбежав по мраморным ступеням, надбавил скорость и... упал с высоты. В клумбу. Под каждой лестницей была клумба или бассейн. Это уже горожане соорудили, на всякий случай.

Выплюнув изо рта рыхлую землю и лепестки роз, Яшка завопил страшно:

— Поймаю-ю!!!

Лестница выходила прямо на центральную площадь города. Было уже темно и пусто. Лишь в одном окне слабо светилась лампа. Яшка Кошкин, прихрамывая, подошёл к светящемуся окну, заглянул в него и тут же позабыл всякую боль, потому что увидел вот такую картину: кондитерская — пирожные, пастила, мармелад, плюшки-пончики. Чашки под кофе и под какао. А в плетёном кресле сидит маэстро Зуб и кушает крем. Рядом с ним — мешок, набитый пирожными и халвой.

Тут Яшка Кошкин вспомнил, что он — новгородец, что он — гордый, что у него — пятёрка по физкультуре и пению, и воскликнул гневно:

— Вы — нечестный, вы опозорили звание артиста!

Но Сластёна Зуб в ответ на эти слова только вытер руки о ска-

терть, взвалил на плечо мешок и шагнул к двери.

Яшка, он даже не понял, как это случилось — будто его что толкнуло, — схватил палку и, когда Сластёна Зуб выпел на улицу, огрел его по голове. Сластёна выронил мешок, покрутился немного, икнул и сел на землю. А Яшка Кошкин в тот же миг очутился в воздухе — его держал в левой руке за воротник Верзила Грохот. В правой руке он держал Дарюню.

— Попалась, — сказал Яшка.

— Попалась, — отозвалась Дарюня.

Верзила Грохот стукнул их лбами.

Тут раздался шум, крики, угрозы. Было ясно — бегут горожане.

— Сластёна, я там за углом колбасную заметил. Захватим окорок. Окорок-то донесёшь? А я потащу этих субчиков. Мы за них выкуп возьмём. У гениев рождаемосту нету, они за ребят хороший выкуп дать могут.

— Пирожными!

— Окороками!

Вбежали горожане, мокрые до нитки. Они кричали:

— Где воры?! Где бандиты?!

Но почему они были все как один мокрые?

А вот почему.

(Окончание следует)

Рис. В. Топкова

Уже несколько поколений польских детей читают весёлые и добрые стихи Яна Бжехвы. Он для польской детской литературы — то же, что К. И. Чуковский для нашей. Некоторые из стихов Бжехвы «Искорка» предлагает сегодня своим читателям.

«На берёзе сорока сидит...»

МОЛОКО

Что случилось? Что случилось?
Молоко раскипятилось,

Убежало из кастрюли
На плиту, потом на стуле

Посидело, а со стула
Прямо к потолку вспорхнуло

И давай летать, как птица,
Петь, смеяться и дразниться:

— Хочешь выпить молока —
Подскочи до потолка!

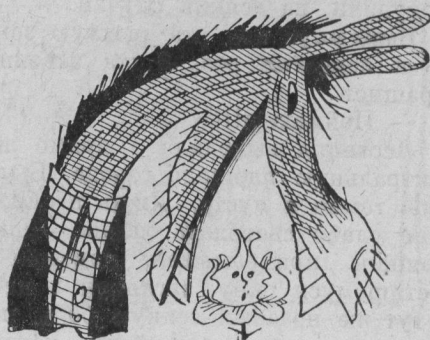
Но сердитая хозяйка
Грозно крикнула: — Слезай-ка!

Как ты смеешь, молоко,
Убегать так далеко?!

Воротись, не то долой
Прогоню тебя метлой!

Тотчас молоко от страха
Плюхнулось на стул с размаха,

На плиту к себе вернулось,
А в кастрюле вдруг... свернулось.

ОСЁЛ И РОЗА

Розе осёл говорит:
— Голова у меня болит
От вашего аромата.
Поверьте мне: вовсе не надо
Так сильно благоухать.
На аромат мне чихать.
Главное — это съедобность,
То есть съеденья удобность.
Возьмите крапиву — растение
Удобное для съедения,
Я её с удовольствием съем,
Хоть не пахнет она совсем.
И всякий вам скажет, любезная:
Крапива — растение полезное.

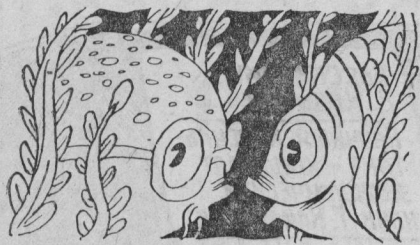
Роза надменно сказала:
— К великому счастью, мало
Подобных ослов на свете.

— Бросьте вы глупости эти.
Положенье вещей таково,
Что на свете ослов — большинство!

СОМ-МАТЕМАТИК

Жил-был в Висле сом-усатик,
Знаменитый математик,

В будни и по воскресеньям
Занимался с наслаждением

Вычитаньем и деленьем,
Умноженьем и сложеньем.

Приглашал в свой омут рыбок
И считал их без ошибок.

Знала это вся река.
Раз приплыл издалека

Лещ к нему и дал заданье
На простое вычитанье:

— Коль ты так умён, изволь
Вычесть из десятки ноль.

Сом сначала улыбнулся,
Стал считать и вдруг... запнулся.

«Что должно тут получиться:
Десять или единица?»

Час прошёл, и три, и пять —
Сом не может сосчитать.

Шепчет он: «С ума сойти,
Ноль отнять от десяти!»

Вот уже настала ночь,
А ему заснуть невмочь.

Вот восход на небе рдеет,—
Сом считает и худеет.

От смущенья и от горя
Похудел совсем он вскоре,

Стал малюсенький такой,
Что зовут его плотвой.

РЕПА И МЁД

Хвасталась репа перед народом:
— Ух, до чего же я сладкая с мёдом!
Мёд улыбнулся её похвальбе:
— А я вот сладок сам по себе.

СОРОКА

На берёзе сорока сидит
И твердит,

Что сахар солёный,
Что муравей сильнее вороны,
Что вода — самый лучший мост,
Что у змей ядовитый хвост,
Что растут на берёзах раки,
Что рогами бодают собаки,
Что всех лучше летают коровы,
Что поют всех красивее совы,
Что вишни находят в снегу,
Что рыбы растут на лугу,
Что зимою стоит жара,
Что ночь наступает с утра...

Но не слушают люди её,
Потому что всё это — враньё.

Перевёл с польского
Л. Цывьян.

Рис. Г. Ясинского

РАССКАЗЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

*с картинками,
стихами и цифрами,
экскурсиями в прошлое
и репортажами из будущего,
загадками
и словарём*

Месяц совещались читатели, прежде чем вынести приговор Капиталисту. Почему так долго! Ну, во-первых, раньше, чем через месяц, мы всё равно не могли бы этот приговор обнаружить. А во-вторых, вопрос оказался не таким уж простым. Хотя прокурор Коля Экономов и считал, что раз он сказал — осудить Капиталиста на вечное забвение, поскольку методы его хозяйствования никуда не годны, — то и дело с концом!

Некоторые наши читатели решили так же: осудить и забыть. Но приговор выносится большинством голосов, а большинство судей-читателей не стали рубить сплеча. На основании их мнений и был вынесен

ПРИГОВОР

Суд читателей рассмотрел на открытом заседании дело по обвинению Капиталиста в эксплуатации нестареющего Мальчика и лишении его возможности учиться.

На основании материалов предварительного следствия, показаний свидетелей, опроса обвиняемого и потерпевшего, заключений эксперта, выслушав мнения обвинения и защиты, суд установил:

1. Вина Капиталиста является полностью доказанной.

2. В ходе совершения преступления подсудимый открыл такие возможности экономического развития, каких не удавалось открыть никому до него. Это полностью доказывает его историческую необходимость.

3. Поскольку совершённое преступление есть жизненная необходимость Капиталиста, он будет совершать его и впредь. Что является отягчающим вину обстоятельством.

4. Великие открытия подсудимого использовались им исключительно в преступных целях, что доказывает историческую бесполезность Капиталиста в дальнейшем развитии.

Исходя из вышеизложенного, суд постановляет:

I. В целях предотвращения указанных преступлений отстранить Капиталиста от участия в хозяйстве.

II. Признать целесообразным применение открытий капиталистического производства, но без эксплуатации и грабежа.

III. Обратить развитие производительных сил на пользу Человеку Производящему.

IV. Предоставить нестареющему Мальчику возможность учиться.

НЕСКОЛЬКО ПУТЕШЕСТВИЙ В ПОИСКАХ ИСТИНЫ

СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА ЖУРНАЛИСТА

Можете себе представить, какие выкрики, аплодисменты и негодующие реплики раздавались после каждого пункта во время прочтения приговора. Но должен заметить, самый громкий вздох облегчения издал автор. Наконец-то судебное заседание закончилось, и теперь он мог с полным правом сложить с себя обязанности секретаря суда и вернуться к более привычному и милому сердцу занятию репортёра. Ведь автор — журналист, он поседел на этом деле и частично полысел, исписал две сотни ручек и целую прорву бумаги, но интереса к своему делу не утратил — так и смотрит, где бы найти сенсацию. А тут она сама в руки идёт — такой случай!

Где громкий процесс — репортёры тут как тут, так и выются в зале и в коридорах. Они называют их кулуарами, потому что в коридорах только стулья и вешалки, а в кулуарах ведутся всякие откровенные разговоры, и это самое подходящее место для сенсационного интервью.

И вот репортёры суетятся в поисках новостей, пристают с расспросами и стараются друг дружку опередить. Да что я объясняю — вы же знаете. Вы наверняка читали об этом в книжках. Или видели в кино.

Так вот — едва закончился процесс, автор облегчённо сунул в папочку протокол, схватил свой любимый репортёрский блокнот —

и бегом в кулуары брать интервью. Он уже на ходу придумывал, кого первого проинтервьюировать, как вопрос задать половчей...

Но оказалось, что вопросов задавать и не надо — только смотри, слушай да записывай.

ЗАЧЕМ УЧИТЬСЯ СЫТОМУ?

По коридору счастливый, как именинник, сияя улыбкой во всё лицо и в торжестве пританцовывая, шёл нестареющий Мальчик и распевал как весёлую песню:

— Какой справедливый суд! Мне не надо работать от зари до зари! Меня и так будут кормить, обувать и одевать и всячески обо мне заботиться! Только потому, что я мальчик! Как хорошо, что я не успел состариться! Ох, теперь и заживу!

Экономов, несколько опечаленный тем, что суд полностью его требований не принял (он считал приговор слишком мягким), теперь, глядя на Мальчика, тоже повеселел.

— Я очень рад за тебя, — сказал он Мальчику. — Теперь ты сможешь учиться.

— О-го-го! — продолжал распевать Мальчик. — И не подумаю! Меня и так будут кормить, одевать и опекать! Зачем мне учиться? Мне и так будет хорошо!

— Как так? — изумился Экономов. — Ты же неучем останешься, не сможешь хорошо трудиться, когда время придёт.

Мальчик остановился. Он даже петь перестал.

Он даже опечалился. И кто бы, вы думали, его успокоил? Его злейший враг — Капиталист. Он незаметно пробирался вдоль стенок, был полон грустных мыслей о своей отставке и тихо, даже вкрадчиво, обронил среди наступившей тишины:

— А и правильно. Сообразительный Мальчик. Зачем ему учиться? В работе — это только помеха.

Как тут возмутился Экономов! Вы же знаете — Капиталиста он ненавидит люто и ни одному его слову не верит, что, в общем, правильно — хитрюга этот Капиталист.

— Интересно, — сказал Николай, вроде бы ни к кому не обращаясь и одновременно сразу ко всем, — как это неуч может хорошо работать, когда производство всё сложнее и сложнее?

— Вечно меня в обмане подозревают, — надул губы Капиталист, — а ведь я давно уже придумал производство, где самый необученный рабочий может — и должен! — трудиться с такой производительностью, что только успевай прибыль получать.

Экономов в тревоге оглянулся на автора: помогай, дескать.

Автор живёхонько раскрыл свой репортёрский блокнот и с ходу сформулировал свой репортёрский вопрос.

— Поясните, пожалуйста, для наших читателей вашу мысль, —

обратился он к Капиталисту. — Верно ли, что неумелый, необразованный рабочий может хорошо трудиться на сложном производстве?

— Именно что! — приободрился польщённый вниманием Капиталист. — А я подгоняю рабочий ритм производства. Я тысячи рабочих включаю в ритм машины — и они ему подчиняются. Почему? Потому что у меня появился конвейер. Впрочем, — прервал себя Капиталист, — лучше бы вам расспросить самого изобретателя. Чего я буду говорить с чужих слов?!

Автор смутился. Судебный процесс, на который мы могли вызывать кого угодно из какого хочешь времени, уже кончился. А репортёр, он — не судья, он никого вызвать не имеет права.

— Господи, — воскликнул Капиталист, поняв нерешительность автора, — да сходите к нему сами. Всего-то лет на 80 спуститься вниз — изобретение-то, можно сказать, совсем свеженькое.

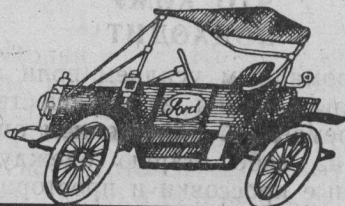
И тут автор почувствовал: что-то случилось с его одежкой. Вместо привычных джинсов, свободной куртки объединения «Маяк» и скороходовских кроссовок на нём вдруг оказался тесный костюм в полоску, довольно короткие брюки на подтяжках, жёсткие белые штиблеты с малиновыми носками и в руках — не шариковая ручка, а допотопная самописка, брызгающая чернилами.

И что-то изменилось в характере. Какая-то чрезмерная даже для торопливого репортёра суетливость, какая-то противная угодливость — неизвестно перед кем. Автор огляделся — не заметил ли этих превращений строгий Экономов? Но не было Экономова. Никого вокруг не было. Даже коридора. Был какой-то парк на задворках завода, лужайка с промасленной травой.

«Началось!» — подумал автор. Но что началось, ему только предстояло узнать.

ЭКСКУРСИЯ В ПРОШЛОЕ

ИНТЕРВЬЮ С ГЕНРИ ФОРДОМ

Если репортёр попал в непредвиденную ситуацию, он должен быстро сообразить, где находится. И автор сообразил: это — Хайленд-Парк в штате Мичиган, это — Генри Форд, предприниматель, стоит на травке, это к нему в начало века пришёл он за интервью.

— Свершилось! — сказал предприниматель и посмотрел на часы.

Из ворот цеха съехал на лужайку чёрный автомобиль, похожий на карету.

— Мистер Форд, — начал автор, улыбаясь, как продажный репортёр (ему самому претила такая улыбочка, но попал в обстановку — что уж теперь!). — Мистер Форд, скажите...

— Тихо! — даже не взглянул в его сторону Форд. — Подождите шесть минут или нам не о чем говорить.

С сильными «того мира» не спорят. Автор замер в недоумении.

Ровно через шесть минут, секунда в секунду, на лужайку скатился точно такой же автомобиль и, пыхнув гордо, встал рядом с первым.

Предприниматель удовлетворённо щёлкнул по циферблату карманных часов и оборотился к репортёру:

— Вот теперь есть о чём поговорить. Видели! Экономическое чудо!

Автор-репортёр ещё толком не понял, что за чудо он увидел, но изобразил на лице, как он ужасно доволен за мистера Форда. А тот со снисходительным презрением объяснил:

— Каждые шесть минут — не больше не меньше — сюда будет выскакать новый автомобиль — самое сложное устройство нашего века. Я заполню автомобилями всю Америку, весь мир. Вы своих станков износить не успеете, как я стану крупнейшим миллиардером. И всё благодаря моей гениальной идее.

— Вот я и хотел спросить... — продолжая себя не уважать, залепетал автор.

— Начнём с теории, — сказал Форд, похлопывая автомобиль по воронённому крылу. — Я — предприниматель, нанимаю на работу массу народу. Поэтому хорошо изучил людей. Я понял, что большинство из них — тупы и ни на что не способны.

Автор, уж на что вошёл в образ, но здесь не нашёл в себе даже способности улыбнуться — хороша теория!

— Теперь практика. Какой толк обучать каждого из этих тупиц всяким премудростям, необходимым в производстве автомобилей! Я разбил все рабочие операции на простейшие элементы, которые может выполнять любой болван. Я избавил их от необходимости не только соображать во время работы, но и передвигаться по цеху. Каждый стоит на своём месте, делает свою работу, пока мимо него проплывает нужная ему деталь. Это называется конвейер. Он движется с одинаковой скоростью, и попробуй за ним не успеешь. И с чего бы не успеть!! Думать — не надо. Мудрить — не надо. Человек, который всовывает винт, не накидывает на него гайку. Человек, который накидывает гайку, не закручивает её. Да и человек ли он! Он — необходимая деталь моей производственной машины, не больше. Любую в любой момент я могу заменить — они же абсолютно одинаковые, те, что на улице, и те, что в цехе: две руки, десять пальцев, один рот. Я полностью избавил себя, а вслед за собой — всех своих братьев-капиталистов от забот об умственном и профессиональном уровне рабочих. Бери любого, гони любого — красота!

— А-а, знаю, это — тейлоризм, — вставил автор, припоминая показания на суде другого американского гения.

— Тейлоризм, — недовольно согласился Форд, — но совершенно на другом техническом уровне. У меня есть конвейер. С его помощью я могу заставить своих рабочих — всех сразу — повышать производительность труда, как сам захочу — увеличу скорость на конвейере, и куда они денутся! У меня есть машины. Машины, в отличие от человека, могут совершенствоваться. До бесконечности. Технический прогресс — основа развития...

Между тем прошло ещё шесть минут. И на лужайку съехал «Форд» — автомобиль. Уже третий.

— Ну! Часы можно сверять! — гордо сказал Форд-предприниматель. Форд I, основатель династии миллиардеров.

Однако автор его уже не слышал...

ЧТО КОМУ ПОДХОДИТ

Громадным усилием воли автор вывел себя из путешествия во времени. С облегчением ощутил на себе старую одежду — удобные кроссовки и просторную куртку. С любовью оглядел так хорошо знакомый (а когда-то казалось, такой надоевший) коридор. И наткнулся на полный сочувствия взгляд Экономова.

— Ты бы знал, в какой ситуации я сейчас побывал, — заданно прошептал автор.

— Я видел, — ответил заметно посерьёзневший Николай. — Вы же спустились во времени, и нам с высоты было всё хорошо видно — через пролёт. Мы с Мальчиком специально свесились с перил, чтобы разглядеть получше. Да уж, экскурсия!

А Капиталист отечески потрепал Мальчика по плечу:

— Убедился? Для того чтобы работать на высокотехнологизированном производстве, вовсе не обязательно много знать, а значит, и учиться. Кстати, уже тогда рабочие у Форда получали больше, чем у кого-либо. Да и теперь те, кому досталось место у конвейера, не бедствуют. Состоятельные люди. Пока их не выгонят.

— Ну нет, — вмешался Экономов, — у нас всё по-другому. Вы уже на суде могли убедиться — наш Рабочий не придаток машине, наш Рабочий — мыслящий. А Мальчику предстоит стать нашим Рабочим. А нам, стало быть, система вашего хваленного Форда не подходит.

— Да куда вы без неё денетесь! — не сдавался Капиталист.

— Обойдёмся без ваших бесчеловечных идей! — не уступали Экономов.

Вы уже, наверное, успели заметить: автор страшно не любит, когда начинается перепалка. Но репортёру вмешиваться в разговор самому несолидно, тут нужно мнение специалиста. И он бросил

ся брать интервью у экономиста, который был экспертом на суде.

— Скажите, пожалуйста, — спросил он, раскрывая блокнот, — подходит или не подходит нам бесчеловечная система Форда?

— Конечно, не подходит, — с ходу ответил экономист.

— Значит, так и записать?

— Так и запишите: система, при которой человек становится бездумным придатком машины, нам не подходит. А система разделения производственного процесса на простейшие операции, конвейер — подходит и давно используется.

— Как так? — удивился автор, потому что репортёру положено в ходе интервью удивляться, даже если речь идет о вещах, которые прекрасно известны любому.

— А так. Мы отвергаем капитализм, а не экономические законы развития. Конвейер — это разделение труда, основанное на ритме машины, и дошло оно до мельчайших звеньев производства. Конвейер обеспечивает повышение производительности. Какой же смысл нам пренебрегать им?!

Автор решил было разыскать Экономова, чтоб и его ознакомить с почерпнутыми сведениями. Но оказалось, он уже здесь, и сам стал из-за авторской спины задавать вопросы экономисту:

— А как же человек? Для нас же главное — человек. А мы его, выходит, к конвейеру?

Экономист не смутился.

— Верно, — подтвердил он, — но мы же взяли у капиталиста способ организации производства, а не цель. Цель осталась наша — благо человека. У нас от выгод машинного ритма голова не кружится. С тех пор как мы используем конвейер, наши учёные и инженеры заботятся о том, чтобы избавить человека от монотонной, неинтересной работы.

— Да как же, когда конвейер?

— Идея конвейера — не только разделение труда, но и механизация его, автоматизация. Если каждый этап производственного конвейера механизировать, автоматизировать, человеку придётся управлять техникой, а не прислуживать ей.

— А-а, я понял, о чём вы говорите, — проявил эрудицию Николай. — Всё будет делать автоматы, роботы, а человек — только кнопки нажимать.

Экономист почему-то промолчал, только посмотрел на любознательного школьника как-то странно. Зато Мальчик, всё это время молчавший, обескураженный мрачной перспективой превратиться в придаток машины, обрадовался. Прехняя весёлость вернулась к нему.

— Во! — закричал он. — Это мне подходит! Мало я, что ли, в течение долгой своей жизни на Капиталиста спину гнул за шесть обедов в неделю?! Пусть теперь за меня роботы поработают.

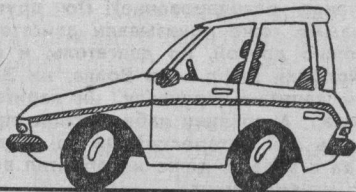
РЕПОРТАЖ ИЗ БУДУЩЕГО

Кнопки нажимать — это мы освоим, правда, Коля? Кнопки нажимать — милое дело. И учиться не надо! А ты мне не верил. Хочешь — хоть сейчас нажму, покажи только, где и какие.

А экономист всё молчал. Наконец он повернулся к автору и строго сказал:

— Я вас попрошу, репортёр, сделайте для этих молодых людей репортаж из будущего. Чего время зря терять?

И автор почувствовал, как раздвигаются стены коридора. Мягким светом озарилось просторное помещение. Мерное жужжание, пощёлкивание и лёгкий стрекот раздались из расставленных вдоль стен шкафов, покрытых пластиком. На авторе вдруг оказались белый халат и белая шапочка. Рядом, в таком же врачебном облачении, топтались, робко оглядываясь вокруг, Экономов и нестареющий Мальчик.

КТО У ПУЛЬТА?

— Спокойно, ребята, — бодро сказал им автор, — поднялись мы не очень высоко — лет на десять-двадцать. Так что голова не закружится. Мы находимся в цехе завода по производству... по производству...

Тут, на счастье автора, из последнего шкафа выплыл автомобильный двигатель, съехал по движущейся дорожке и через автоматически открывающиеся створки в стене укатил вон из цеха.

— ...двигателей. Двигатель, ребята, состоит из многих сложных деталей, над его созданием трудится много людей. Сейчас мы с вами увидим токарей, слесарей, фрезеровщиков, шлифовщиков — словом, станочников, которых на машиностроительном предприятии больше, чем кого-либо, поскольку именно они занимаются обработкой металлов. Увидим также электриков, ремонтников, смазчиков, гальваников и сборщиков.

Автор встал на цыпочки, заглядывая в даль пролёта, забежал за ряд шкафов... Никого нигде не было.

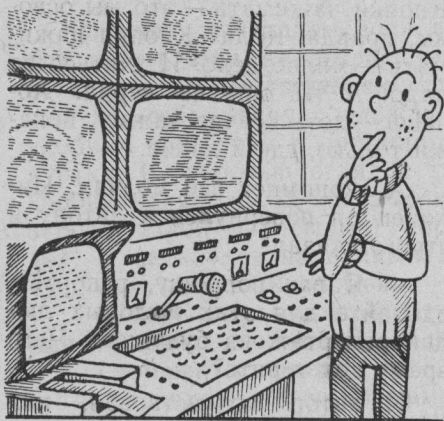
— ...сейчас встретим кого-нибудь из тутощних, спросим, где нам их увидеть, и всё станет ясно.

Автор устремился по пролёту, спутники едва за ним поспевали.

— Сейчас-сейчас, — приговаривал автор, стараясь не выдать неловкости, — ведь есть же здесь какая-нибудь живая душа...

И тут он заметил, что среди шкафов высится стеклянными стенами кабина размером с просторную комнату. В кабине сидел парень и смотрел телевизор.

Автор облегчённо вздохнул, сунул руку в карман за блокнотом... Но блокнота не было. Вместо него лежала какая-то плоская коробочка с клавишами на боковой грани. Автор не первый год

репортёр, он быстро смекнул, что это диктофон неизвестной ему системы. «Разберёмся», — решил автор и поспешил в кабину.

Он поспешил, потому что его уже опередил Экономов. Ещё бы! Любимое занятие Николая — смотреть телевизор. Если мама не гонит, он смотрит все программы подряд. Но такой скучной передачи Экономов ещё не видел. На экране подрагивало изображение какого-то двигателя, а рядом выстраивались колонки цифр. «Хоть бы переключил программу!» — подумал Николай про парня, хозяина кабины. Парень словно услышал его и нажал клавишу.

Автору даже стало жалко Экономова — такое разочарование! По другой программе тоже показывали двигатель. Немножко другой, но двигатель, и новые колонки цифр — ни Волка, ни Зайца, ни капитана Врунгеля, ни капитана Жеглова... А хозяину кабины было просто жуть как интересно! Он не сводил взгляда с экрана, даже не обратил внимания на вошедших.

— Исправь ошибку! — внезапно сказал он.

— Вы это кому! — обиделся автор.

— Машине, кому же ещё! — ответил парень. — Здравствуйте.

— Ха! — развеселился Мальчик. — Видали чудака! Да она, машина-то, железная!

— Ошибка исправлена! — вдруг отреагировал металлическим голосом телевизор. — Корректируйте. Вариант 117-й.

Мальчик опасливо отошёл от экрана.

— Не дерётся!

— Да нет, — успокоил парень, — не запрограммировано. Это ЭВМ пятого поколения, она ведёт диалог с человеком в непосредственном контакте. — Парень ткнул пальцем в экран: — Вот здесь замени по программе ДБК-755.

— Коррекция некорректна, — ответила машина. — Увеличится расход металла. Предлагаю применить узел по программе КДБ-444.

— Мы через десять минут запускаем новый двигатель, — пояснил гостям

парень, — я отбираю оптимальные параметры работы цеха.

Автор, оправившись от неожиданностей, решил всё-таки взять на себя роль репортёра.

— Запуск нового двигателя, ребята, — начал он, — это огромная работа. Разрабатывается новая конструкция, новые технологические карты, подготавливается новая оснастка, а иногда и новое оборудование. Эта работа занимает месяцы, а иногда и годы кропотливого труда настоящих специалистов своего дела, беззаветных тружеников...

— Да нет, — прервал его парень, — у нас же гибкое автоматизированное производство — ГАП. С помощью автоматизированной системы проектирования мы быстро обчисляем необходимые параметры, с помощью автоматизированной системы управления перестраиваем технологию, по принципу детских кубиков, заменяем программу в обрабатывающих центрах и роботах — минутное дело.

— А как переносят такие быстрые перестройки станочки, наладчики, сборщики! — задал автор репортёрский вопрос.

— А где вы их видели! — удивился парень. — У нас их работу выполняют обрабатывающие центры, роботы.

— И что — ни одного, например, токаря в цехе!?

— Почему! Я, например, кончал ПТУ по токарной специальности — «оператор станков с числовым программным управлением». Потом ещё учился, у нас каждые 3—5 лет — учёба. Вот мой товарищ, наладчик...

В кабину как раз заглянул наладчик.

— Привет, Коля, — сказал он. Экономов при этом вздрогнул. — Тут машина дала сигнал возможного сбоя в блоке УКПРМЧ-254/7846-бис. Я пойду заменю.

— Ага, — ответил оператор, — разберись там заодно с ФХЧЩ-987-13-прим. Что-то он мне не нравится.

— Хорошо, — кивнул парень.

Тут автор с ужасом вспомнил: он же ничего не записал! Диктофон неизвестной системы так и лежал в кармане.

— Послушайте, Коля, — попросил он, — не можете ли вы или ваш приятель разобраться с этой штукой! Что-то мне с такими диктофонами ещё не приходилось работать.

— А, — махнул рукой парень, — устаревшая модель. Это не диктофон, это устройство для ввода информации в персональный компьютер. Я вам скажу шифр нашей системы, дома подключитесь к своему персональному компьютеру и получите все сведения из централизованного банка информации. Плёвое дело.

Автор крепко схватил за руки своих спутников. От стыда он провалиться хотел. Так сильно захотел, что провалился — обратно в наше время.

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Здесь их уже поджидал экономист.

— Ух и здорово! — поделился Экономов. — Ну и парень!

— Шибко учёный, наверное, — предположил нестарейший Мальчик, — не про нашу честь. Эх, придётся мне, наверное, устроиться туда — пыль со шкафов стирать.

— А вы заметили, молодые люди, — улыбнулся экономист, — что рабочие в этом цехе — примерно ваши ровесники? Может, это вы и есть?

Тут Экономов вспомнил, как он дёрнулся, когда наладчик назвал оператора Колей. Неужели правда? А Мальчик вслух возразил:

— Это когда ж будет — такой завод, такой цех?! Хорошо я-то не состарюсь, а Кольке каково?

— Такие цехи уже есть. А по программе интенсификации предусмотрено большинство цехов сделать такими. И уже сейчас 33 профессионально - технических училища Ленинграда готовят рабочих для обслуживания ГАПов, роботов и автоматизированных систем управления. К концу века большинство рабочих мест будет у компьютера. А кому занимать

эти места, кроме вас?! Так что вам учиться придётся, и учиться не как-нибудь, а хорошо.

Автор решил не приставать со своими репортёрскими вопросами. Он видел: Мальчика не надо убеждать. Удостоверившись, что учёбы ему не миновать, он уже не выглядел несчастным.

Но тут вбежал Капиталист и попытался всё испортить.

— Размечтались! — закричал он. — Задаром Мальчика хотите зубрёжкой известить! Всё равно у меня компьютеризация наступит скорее! Я ведь раньше начал. Я к концу века заменю роботами семь из каждых десяти рабочих мест, а в автомобилестроении — девять из десяти. Учитесь себе зазря!

Ну, что поделывать? Пришлось автору опять задавать вопросы.

— Верно ли это? — спросил он у экономиста.

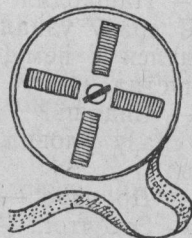
— Сами посудите, — ответил тот. — Если Капиталист решит выгнать на улицу девять из десяти рабочих, позволят ли они ему это? Так что готовиться к компьютерному веку надо нам, а не им. У нас помех не будет. Кроме неучей, конечно, — и он лукаво посмотрел на Мальчика.

Ну а вы, ребята, знаете, что такое ЭВМ? ГАП? ЧПУ? «Обработывающий центр»? Для чего они служат? Почему именно с ними связано будущее нашей экономики и вашей работы?

Расспросите родителей, загляните в книжки.

Мы ждём ваших ответов.

Собачья дружба

28 июля

Всё ещё сижу. Один. От скуки пишу. Интересно, кто это скребётся под окном? Ба! Жучка! Выпустила на меня глаза:

— Что делаешь?

— Пишу...

— Врёшь! Собаки не пишут.

Я издали показал Жучке тетрадь — дальше не пускал поводок. Она опять не поверила.

— Не морочь мне голову. За Витину тетрадь тебе опять попадёт!!

Я понял, что убеждать её бесполезно, просто рассказал ей, почему и за что наказан. Это она поняла сразу.

Жучка убежала. Я опять остался один. Но ненадолго: в окне появилась чья-то голова и спросила басом:

— Нашкодил?

Я сразу узнал тёзку Пирата и рванулся к нему, но поводок меня не пустил.

— Сидишь? Надолго тебя? — Он сразу уловил смысл всей картины.

— До утра, — вздохнул я.

— Это что!.. — шмыгнул он носом. — А я, братец, завтра сажусь обратно на цепь...

— Зачем?! — изумился я.

— Хозяин нынче меня издали увидел. Погрозил кулаком. Пора...

— Бить будет?

— Разок вложит... За побег... Для острстки... Зато я душу отвёл, пожил на воле... Придёшь ко мне?

— Приду, — обещал я.

Как не навестить тёзку, если он опять садится на цепь?

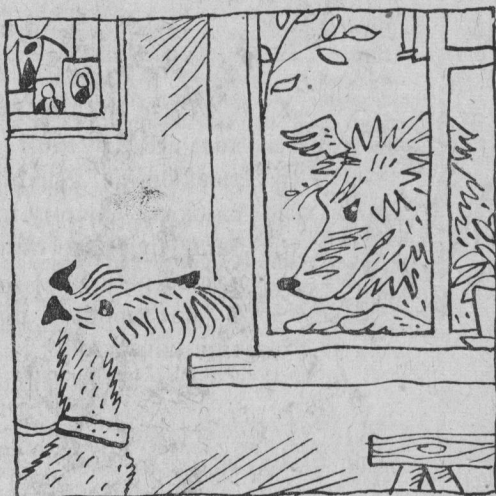
— Тебе, может, надо чего? — спросил он. — А то я пойду.

«А чего мне надо? У меня всё есть», — подумал я, но тут вспомнил:

— Слушай, если увидишь одноглазого, скажи — пусть приходит сюда. Я упрошу хозяев, чтобы взяли его к нам. Навсегда. Скажешь?

Тёзка Пират долго сопел, двигал ушами и наконец сказал:

— Пустое дело затеял. Поздно. Теперь одноглазого, если примут к себе, так разве что волки... Вот

Продолжение. Начало в «Искорке» № 6, 7, 8.

так... Ты — славный пёс... Приходи. Буду ждать тебя, друг...

Ну вот, и ещё один пёс сказал мне это прекрасное слово «друг». Теперь у меня двое друзей.

В окне опять появилась голова:

— Привет, пёсик. Твой тёзка сказал мне, что тебя привязали. За что?

Чёрный Дьявол! Я чуть не свалился со стула, опешил и застыл с разинутым ртом.

— Не надо меня бояться, — сказал он, — собаки умеют помнить доброе.

— Я не боюсь, — наконец пролепетал я. — Только сегодня... Но вороны...

— Знаю, — кивнул чёрный пёс. — Уже второй раз эти наглые птицы воруют у меня еду...

— Ты знаешь и про тот?

— Конечно. Всё это время я следил, чтобы с тобой не стряслось беды... Я сам был такой, как ты... Когда-то...

— А как тебя звали тогда? — спросил я.

— Забыл... И не хочу вспоминать... — ответил он, помедлив. — Зови меня Чёрный Дьявол. Прежнее имя мне уже не подходит... И прощай опять, друг, — идут твои хозяева...

Он исчез. А я стал рваться, как сумасшедший, и лаять — ведь я ничего не успел ему сказать.

Когда вечером в нашем доме все уже заснуло, я услышал, как кто-то тихонько скулит под окном. По голосу узнал Жучку и тоже тихонько проскулил, в том смысле, что, мол, всё у меня в порядке, спасибо. Потом мысленно проводил до нашего секретного лаза в заборе третьего своего друга — Жучку.

*Удивительный
Кот Фома*

30 июля

Я уже не арестованный. Я как будто убитый — пропал Фома. В

кухне стоит полное блюдо молока. В тарелке — остатки окуня (кот очень любил рыбу).

Тётя Груша не находит себе места: обошла все дома, ходила к реке, на станцию, в поле.

— Грушенька, не волнуйтесь, — успокаивала её мама Маша. — Погуляет и придёт. С котами это часто.

— Куда ему! Не те года по ночам гулять.

Я отрядил на поиски Фомы Жучку — никаких следов. Тёзка Пират тоже о Фоме ничего не слышал.

Настроение у меня — хуже некуда. С досады сам себя укусил.

3 августа

Больше всего мне стыдно перед тётей Грушей. Она оставила для Фомы на ночь открытое окно, хотя очень боится жуликов и комаров.

Ночь я почти не спал — поймал здоровенную мышь, принёс её тёте Груше, положил к её ногам. Она не взглянула ни на мышь, ни на меня, а плюхнула в мою миску с овсянкой столовую ложку масла. Из этого я сделал вывод: сегодня она расстроена ещё больше, чем вчера.

Но самое скверное было ещё впереди. Вечером мама Маша и тётя Груша сидели на крыльце.

Мы с Витей читали на террасе книгу. Вдруг тётя Груша всхлинула.

— Грушенька, милая, ну зачем же! — воскликнула мама Маша и обняла её за плечи.

— Знаю, — басом перебила её тётя Груша. — Знаю, что дура старая... Люди услышат — смеяться будут: Аграфена, мол, из ума выжила, ревёт — Фома потерялся.

Витя закрыл книгу, посмотрел на меня, и мы оба стали слушать дальше.

— Плохо одинокому человеку, Машенька... А к старости — ещё того хуже. Летом — ладно. Много хлопот — сад, огород, корова. Дачники приезжают — люди мне всё попадают хорошие. А наступит осень, зима — не знаешь, куда себя девать. В гости пойдёшь — так опять же домой воротиться. А дома пусто. Ходики тикают. Дрова в печке стреляют. Мыши скребутся. Муха, если какая выживет, возле лампы крутится — вот и вся моя компания.

— А родные? — спросила мама Маша.

— Далеко живут, — ответила тётя Груша. — Один только раз приезжала сестра с внуками... Месяц жили у меня, а уехали — так ещё хуже мне стало, места себе найти не могла... В ту пору он как раз у меня и появился...

— Кто появился?

Под тётей Грушей заскрипело крыльцо, она вздохнула:

— Фома... Шла я домой, уже смеркалось. Гляжу: возле калитки что-то ворочается. Присела — вижу: котёнок, слепой ещё. Хвостик тонкий, лапы не держат, трясётся. Мордой тычется... Подкинули, значит. А я сначала и не обрадовалась — мал больно. Но всё-таки взяла. Сердце не позволило бросить... Ну и выходила помаленьку... Хороший кот вырос. Повадки у него свои были, иной раз и насмешит. Мух не терпел. И так уж их ловить наловчился, беда! Подстережёт, подскочит и лапой её рр-раз к стеклу. Та в голос, аж

с визгом, но куда там — от Фомы не уйдёшь!..

Тётя Груша рассмеялась и мама Маша тоже.

— Вот видишь, Машенька... Невидный был кот Фома, а хороший. Иду, бывало, домой — он ждёт на подоконнике. Дверь отворю — он уж тут как тут: хвост трубой, мяу-мяу скажет, значит, хозяйку приветствует. На колени вскочит — тепло от него. А уж мурлыкать мастер был! Бывало, у меня без его музыки и сон нейдёт. Иной раз и поговоришь с Фомой, новости расскажешь, пожалуешься. Всё легче — живая душа рядом...

Я ушёл с террасы, лёг под Витиной кроватью и закрыл морду лапами. Потом пришёл Витя и тоже лёг. Но и ему не спалось. Одна рука у него вдруг свесилась с кровати. Я приподнялся и быстро её лизнул.

— Пиратыч, Пиратыч, — сказал он и положил мне руку на голову. — Не могу я тебя побить. Мерзко бить существо, которое не может защищаться. Не могу я на тебя сердиться — ты просто глупый пёс, который не понимает даже, что натворил... Иди спать...

Теперь я-сыщик

9 августа

Утром, после завтрака, Витя принёс мне вязаную кофту тёти Груши, на которой спал Фома.

— Нюхай хорошенько, Пиратыч. Сейчас мы пойдём искать Фому.

«Нюхай!» Как будто я и без него не знаю, чем пахнут кошки! Но я нюхал, рычал и фыркал, чтобы не огорчить Витю. И сразу же, пригнув шею, побежал вдоль забора. Возле калитки я сделал стойку и залаял.

— Понятно! Молодец! — сказал Витя и пристегнул мне сворку.

— Зона нашего действия расширяется. Пошли на улицу.

На улице оказалось столько кошачьих следов, что я растерялся, но быстро сориентировался — выбрал самый свежий, самый противный и побежал по нему, увлекая за собой Витю.

Зачем-то этого кота понесло в поле, и мы понеслись туда. Поле было зелёное и жёлтое, оно шелестело, переливалось, качалось. Я гавкнул.

— Смелей, Пиратыч! — одобрил меня Витя.

Мы отыскивали узкую дорожку, которая уходила в глубину поля. Очень здорово было мчаться по ней, прижав уши, заворачивая то влево, то вправо.

— Пиратыч! Убавь скорость. Или мы разобьём носы! — кричал мне Витя.

Мы врзались в шалаш. Пробили в нём дыру и растянулись на полу.

— Ой, лихо мне! — простонал кто-то внутри шалаша, и голос показался мне знакомым.

Так и есть! Это опять был старик, который живёт в жёлтом домике на горе. Нас он тоже сразу узнал.

— А-а! Гости дорогие, вот не ждал!

— Извините нас, пожалуйста, — пролепетал Витя, встал на четвереньки, посмотрел на меня с укором. Я его сразу понял, под-

прыгнул и два раза лизнул старика в бороду.

— Узнал, значит, меня, пёсик? Ну, ну, не вертись... А то ведь и весь шалашик нам на головы посадишь — ты мастер!

Словом, он очень нам обрадовался.

— А куда это вы так поспешаете с пёсиком? — спросил он.

Витя рассказал ему, что мы ищем Фому и его следы привели нас в шалаш.

— Жалко, понятное дело... Хороший кот. Знаменитый, можно сказать...

Витя удивился:

— Фома?

— Он... Ты-то его уже в старости увидел. А года три назад Аграфена, не имей она совести, деньги могла бы на нём зарабатывать.

— Учёный был? — ещё больше удивился Витя, и я — тоже.

— Как тебе сказать... Нестолько учёный — талант имел от природы. Мышей ловил — красота поглядеть. Утром встанешь, а он их уже кучкой сложит, сидит, умывается, ждёт: принимайте, мол, работу... Ловок был, умён, словом — охотник. Соседки к вашей тётке Груше то и дело бегали: дай, за ради бога, Фому хоть на три денька — мыши съели. Так что он у нас тут чуть ли не в каждом доме на гастролях побывал... Не хуже тенора... Вот какие дела, сынок... Надо Фому сыскать.

— Найдём! — вскочил Витя. — Ты понял, Пиратыч?

Не только понял — опять расстроился: бежали-то мы по чужим следам.

11 августа

Продолжаем поиски Фомы. Жучка посоветовала пойти в самый крайний дом посёлка. Он обнесён высоким забором. Калитка всегда заперта. Что там внутри, ни одна собака не знает. На лето туда из города приезжают родственники — двое мальчишек, кото-

рые ни с кем здесь не водятся. Дачников хозяева не берут. Судя по следам, запахам и звукам, за высоким забором, кроме людей, есть корова, свинья, коза и ещё какой-то никому не известный зверь.

Конечно, я сразу заинтересовался этим загадочным домом.

— Держи ухо востро, — предупредила Жучка, — я чую там недоброе. Ни собак, ни кошек там не держат.

Я повёл Витю прямо к этому дому, остановился около калитки и грозно зарычал.

— Ты что, Пиратыч? — спросил Витя.

Я опять зарычал и сделал стойку.

— Вот оно что! — прошептал Витя. — Значит, он здесь?!

Мой догадливый хозяин сейчас же дёрнул за проволочную ручку, висевшую над калиткой.

Задребезжал звонок. Послышались тяжёлые шаги. Что-то щёлкнуло, и в калитке образовалось маленькое окошко. Из него на нас с Витей поглядели два холодных зеленоватых глаза. Сиплый голос спросил:

— Тебе чего надо, лоботряс?

— Я не лоботряс! — вспыхнул Витя. — Мы ищем кота. Тётя Груша очень горюет.

Глаза в окошечке прищурились:

— Тьфу! Делать им нечего! Убирайтесь!

Окошко захлопнулось.

Мы с Витей остались, как два дурака. Мой хозяин был весь красный, ноздри у него раздувались.

— Пиратыч, простить это — невозможно, — прошептал он дрожащим голосом.

О, мой Витя! Я не успел опомниться, как у него уже созрел план. Он вынул из кармана кусок мела, нарисовал на калитке страшную рожу и написал: «Здесь живёт злой человек!» Ну и, ясное дело, мы тут же во весь дух умчались прочь.

Вечером тётя Груша рассказывала, над чем весь посёлок смеётся: кто-то разрисовал Буровым калитку точь-в-точь хозяин — морда злющая. И поделом им, шкурникам.

Конечно, я не утерпел, побежал нахвастал про всё это Жучке. Она не выразила никакого восторга.

— Вы нажили себе врагов, Пират. Я местная, всё здесь знаю. Не бегай на улицу один!

Как бы не так! Очень я испугался! Я ещё попробуюсь в этот дом! Я ещё покажу себя! Я отыщу Фому! Факт!

Я в плену у врагов

(Мемуары, или воспоминания, написанные по памяти)

Избитый, грязный сажу на куче хлама в тёмном сарае. Уже второй день. Вспомнил, как тёзка Пират лечился от голода, и лёг на свой бедный опустевший живот. Стало немного легче.

Но глаза лучше не закрывать. Как закрою — сразу представляется моя большая миска, полная овсяной каши. Ещё фыркал, неблагодарный, что тётя Груша кладёт мне мало масла! Сейчас съел бы даже манную кашу, сваренную на одной воде.

Вода... Она тоже у меня перед глазами. Наша чистая, холодная речка. Забежать бы в неё по самое брюхо и лакать, лакать воду, пока не надуешься, как резиновый крокодил. Но и воды мне не дают.

Почему так мучают? Я никого не укусил. Я только рычал и вырывался. Но ведь это сделает каждый пёс, если на него вдруг нападут. А эти мальчишки напали на меня первые. Я просто стоял возле их забора на задних лапах и старался увидеть в щёлку, нет ли у них во дворе Фомы. В этот момент они и накиннули на меня верёвку. Петля сдавила мне горло, я упал, и они потащили меня, поволокли по земле. Я ударялся о камни, мне было больно, глаза засыпало землёй. А потом вдруг сделалось темно, тихо, и я уж и не помню, как попал в этот сарай.

Слышу шаги... Надо прятаться... Я боюсь. Жучка была права — в этом доме живут плохие люди.

В тот же день

Мне всё-таки дали воду. Я сразу её вылакал. Порезал морду об острые края банки, вылизывая стенки — на них прилипло немножко какой-то вонючей рыбы.

— Смотри-ка! А он уже не такой гордый! — захохотал старший мальчишка, тот, который накиннул мне на шею верёвку.

— На, лови, эй! Мясо! — крикнул младший и бросил мне кость.

Ох, как я ловко за ней подпрыгнул и поймал на лету! Но это

была... палка. Мальчишки опять захохотали, а старший сказал:

— Даже самый бешеный мустанг становится шёлковым, если поддержать его голодным. Ты слышишь, бородастый урод? Придётся тебе посидеть ещё денёк натошак.

Они ушли. Потом опять пришли. Поставили мне банку с водой и заперли дверь на засов.

Повсюду валялись тряпки, солома, пыльные мешки и разный мусор. Я обнюхал все углы и обнаружил замусоленную тетрадь, испсанную уже кем-то. Но не было карандаша, и сильно распухла лапа. Тетрадь зарыл под мусор — пригодится, а пока всё хорошо запоминаю, если не погибну — опишу потом в мемуарах.

Рядом за стеной кто-то дышит, иногда бегают взад-вперёд на мягких лапах. Запах оттуда идёт странный, совершенно незнакомый.

Кто там? Друг или враг? Здешний или, как и я, — пленник?

(Продолжение следует)

Вы заметили, ребята, как меняется ваша школьная жизнь!
Видите — навстречу вам по коридору топают тихие шестилетние первоклассники!
А в кабинет информатики, где мерцают на столах голубые экраны дисплеев, вы уже заглянули!

Знаете уже, что вместо надоевших табуреток и металлических болванок, с которыми возились на уроках труда, вы получите серьёзный заказ от шефов и будете выпускать нужные производству детали!

Слышите, как часто звучит модное слово «новый»? Новый учебник, новая программа, новый предмет... Это — приметы реформы школы, которая идёт второй год. И вы, вместе с учителями и учёными, стали участниками эксперимента, в котором отрабатывается модель новой школы. Школы, чьи выпускники будут жить и работать в XXI веке.

Участвовать в эксперименте можно по-разному. Можно, как кролику, хрумкать морковку, чтобы по твоему аппетиту и прибавке в весе определили, какой сорт калорийнее и питательнее. Но согласитесь — это скучновато и даже обидно.

Вам тоже!

Тогда — за работу. Найдём своё место в буднях реформы. Но сначала надо разобраться, почему понадобился новый проект школы и какую цель ставит реформа и перед взрослыми, и перед детьми.

Мы начали новую рубрику и с нетерпением ждём ваших писем. Ведь школьная реформа — дело общее.

СОЧИНЕНИЕ НА ВОЛЬНУЮ ТЕМУ

Анна Ивановна сказала:

— Ребята, вы должны написать дома сочинение «Какой я представляю школу будущего». Фантазируйте, придумывайте. В таком сочинении можно почти всё! — И посмотрела на нас радостно, словно собиралась заранее всем поставить по пятёрке.

Толик Королёв, мой сосед по парте, зашептал:

— Намучаемся мы с этим сочинением.

А я подумала, что зря Толька нервничает. Но если бы знать тогда, как был прав мой сосед!

Словом, я спокойно пришла домой, решила все примеры по алгебре, прочитала про стоянки пер-

вобытного человека в учебнике истории и взялась за сочинение. Сию и думаю — какой же будет наша школа в будущем? В другом веке? Между прочим, до другого — XXI — века рукой подать, каких-нибудь пятнадцать зим и лет и вот он — зажигай ёлочку: «С Новым годом! С Новым веком!»

Сочинение начала я бодро: «В XXI веке в школу будут летать на вертолётах и приземляться прямо на крыше, где устроят специальную площадку. Уроки будут проходить не только в классе. Например, географию можно будет учить прямо в Африке или Америке. Туда учеников будут возить на самолётах. На перемене для всех откроют бассейн. Домашние задания задавать не будут, и английские неправильные глаголы зубрить не при-

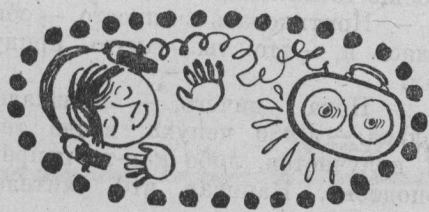

дётся. Ляжешь дома спать, включишь магнитофон, на котором нужные слова записаны, проснулся — а всё знаешь. Пришёл в класс, рассказал то, что заучил, роботу-учителю, который сидит и тебя ждёт. Надел наушники — он тебе надиктовал новое задание...»

Перечитала я всё это и подумала — а может быть, школы вообще не будет? Вот так вот — можно ведь и самому учиться. Выдадут тебе в начале года магнитофон с набором уроков и заданий. Ты читай себе учебники, решай задачки, слушай магнитофон, а уроки можно тому же роботу сообщать по телефону. А он тебе в ответ — оценку. Впрочем, наверное, и учебники читать не придётся. Вместо книг будут микрофильмы — нажал кнопку и, пожалуйста, на экране пьеса «Недоросль», опыты по химии или кино про восстание Спартака.

Я представила себе, как сижу целый день дома, учусь, нажимаю на кнопки: то робота вызываю, то магнитофон включаю, то кино смотрю — и мне стало не по себе, словно сама превратилась в магнитофон, на который накручивают правила и формулы. Что-то в моём проекте будущей школы мне не понравилось.

Я пошла советоваться с мамой. Она у меня учительница. Исправила мама красными чернилами ошибку в тетради, которую проверяла,

и взяла из большой стопки следующую.

— Что там у вас в XXI веке будет, не знаю, но такой горы тетрадей моим коллегам проверять не придётся. — Она снова надела очки и улыбнулась. — То, что дети будут послушными и внимательными — это точно. А теперь не мешай.

Тогда я позвонила на работу папе. Он — журналист.

— Посмотри в окно, — строго сказал папа вместо ответа на мой вопрос.

За окном шёл нормальный ленинградский дождь, как и всегда в сентябре.

— Я был с утра в совхозе, там на полях картошка мокнет, и нет машин, которые должны перевезти её в город. Я пишу в завтрашний номер критическую заметку, а ты меня отвлекаешь! — Трубка сердито загудела.

Но через несколько минут телефон затрезвожил.

— Знаешь что, — сказал папа задумчиво, — когда я был школьником, то мне очень не везло. Представляешь, стоит не решить домашнюю задачку — меня непременно вызывают и вкатывают двойку. Потом-то я эту задачку решу, и ещё десять в придачу, но двойка-то в дневнике остаётся. Дома ругают, на сборе стыдят, маму и ту на родительском собрании песочат. Возможно, в будущем в школе не будут ставить единиц и двоек...

— А пятёрки, четвёрки?

— Пятёрки... А зачем вообще оценки? Учиться можно и без них...

— Да-а, без них. Тогда о чём же вы, взрослые, будете с нами разговаривать? — поинтересовалась я. — Мама прямо с порога дневник требует. Гости и те спрашивают:

«Ну, как учёба? Много пятёрок получила?»

— Эх ты, — засмеялся папа, — так ведь в ХХІ веке и взрослые другими будут. Ну, пока. Пиши сочинение.

Папина идея выглядела неубедительно.

Я позвонила в квартиру напротив. Там жили восьмиклассники — близнецы Саша и Галя. Их портреты красовались в вестибюле нашей школы. Галя сдержанно улыбалась с доски «Ими гордится школа» — она была круглой отличницей. Саша победно глядел на сестру со стенда «Выше, быстрее, сильнее» — он был чемпионом школы по прыжкам в высоту и капитаном волейбольной команды. Их ставили в пример сразу двоих. «Посмотрите на Лагутиных, — говорили учителя, — у них хватает времени на всё: и на учёбу, и на спорт».

— Саша, как ты думаешь, какой будет школа в ХХІ веке?

Сашка ответил, не задумываясь:

— Перемены будут длинными, а уроки короткими. Всё. Топай.

— Я серьёзно. Мне сочинение надо писать.

В прихожую выглянула Галя.

— Болтун ты, Сашка. Мелешь, что на ум взбрело, — строго сказала она.

— Ничего подобного, — обиделся Сашка. — Кто сейчас в школе самый лучший ученик? Кого больше хвалят? Того, кто задачки шустро решает, на уроке сидит тихо и на переменках не бегают, а чинно прогуливается... В общем, такую зануду, как ты, Галка. Сидишь над учебниками, согнувшись, — скоро не разогнёшься совсем. А ребёнок двигаться должен. Должен расти здоровым и крепким. Значит, пусть у каждого класса будет спортзал, чтобы на переменках играть в волейбол, в настольный теннис... Или, может, другие игры изобретут. И физкультура должна быть не два раза в неделю, а каждый день. В здоровом теле — здоровый дух, слышала?

— Тело-то у тебя здоровое, —

протянула Галка, — а вот контрольную ты опять у меня списал.

— Я же и говорю — за-ну-да, — махнул рукой Саша и исчез.

— Галя, ну а ты сама, что думаешь? — напомнила я про себя.

— Вообще-то мне некогда, — предупредила Галка. — Но я думаю, что в будущем можно будет самому выбирать, какие предметы учить, а с какими только знакомиться. Думаешь, легко на одни пятёрки учиться? Сашка правильно говорит — целыми днями за учебниками сижу. А на самое любимое — историю и литературу — времени и не остаётся. Знаешь что, не слушай ты нас с Сашкой. Сходи-ка в библиотеку, попроси какую-нибудь фантастическую повесть про школу, прочти её — и напишешь своё сочинение.

Перед тем как отправиться в библиотеку, я позвонила Толику Королёву.

— Я так и думал, что намучаемся мы с этим сочинением, — тоскливо сказал он. — Прочитай хотя бы, что у тебя получилось.

Выслушав мой фантазии, он захихикал:

— Ну, ты даёшь! Зачем летать в школу на вертолёте, когда её из окна видно? А если сегодня на географию — в Африку, завтра — в Америку, так мы по пятнадцать лет в школе проторчим. Нет уж, спасибо. С магнитофонами твоими вообще тоска полная...

— Критиковать просто, — обиделась я, — что ты сам-то придумал?

— Пока ничего, — признался Толька. — Либо чепуха, вроде твоей, получается, либо как-то неправдоподобно. Написал, что учителей

можно будет выбирать, чтобы вредные не попались... Что родителей в школу вызывать не будут... Так разве без этого можно учиться?

В библиотеку мы пошли вместе.

На следующий день Анна Ивановна получила 36 очень похожих друг на друга сочинений. Во всех — голубела вода в школьных бассейнах и цвели марсианские цветы в кабинете ботаники. На практику ученики улетали в разные концы земного шара, а отличники — даже на Венеру. В школьной столовой можно было самому синтезировать себе обед из различных химических элементов...

— Редкое единодушие в содержании, — усмехнулась Анна Ива-

новна, возвращая назад наши творения.

Может быть, она и догадалась, что мы с Толькой поделились удачно найденной книгой с другими ребятами... Оценки у всех были разные, поскольку грамматические ошибки были у каждого свои.

С тех пор мне немного стыдно за списанное сочинение.

Но хочется понять, какой же будет школа в XXI веке? Что в ней изменится? А может быть, всё должно остаться по-прежнему: урок — переменка; пятёрка — двойка; чёрная доска и белый мел; учительская указка и ученическая шпателька?

Или по-другому?

Внимание: эксперимент!

Участники эксперимента:

Ты, читатель «Искорки», твои друзья, одноклассники, родители...

Условия эксперимента:

Искренние ответы на вопросы.

Цель эксперимента:

Помочь школьной реформе претвориться в жизнь.

Наши вопросы:

Что тебе нравится в жизни сегодняшней школы?

А что в жизни школы не нравится?

Какой хотел бы ты видеть свою школу?

Ждём твоих писем

Рис. Л. Московского

(Продолжение следует)

2 сентября 1945 года на полумиллионном митинге в Ханое Хо Ши Мин от имени Временного правительства провозгласил создание Демократической Республики Вьетнам — первого в истории Юго-Восточной Азии государства рабочих и крестьян.

Весной этого года в Социалистической Республике Вьетнам побывал ленинградский писатель Борис Никольский. Был он и на севере Вьетнама — в столице страны Ханое, и на юге — в городе Хошимин, который в то время готовился отметить десятилетие со дня освобождения, и в провинциях, что раскинулись у самой границы с Кампучией... Немало интересных, ярких впечатлений осталось у него от этой поездки. О некоторых из них он и рассказывает нашим читателям.

А проиллюстрировал очерк художник В. Зачиняев, неоднократно бывавший во Вьетнаме.

Борис НИКОЛЬСКИЙ

Что я видел во Вьетнаме

АМЕРИКАНСКИЙ СОРНЯК

Мы ехали в маленьком автобусе по дорогам одной из южных провинций и, конечно, ни на минуту не отрывались от окон автобуса. Всё было интересно! Всё хотелось увидеть, как следует рассмотреть и запомнить.

И ребяташек, уверенно восседающих на спинах медлительных буйволов.

И горки ананасов, аккуратно сложенные на обочине дороги, — пожалуйста, останавливайся, подходи, выбирай, покупай любой, какой нравится.

И рисовые поля, залитые водой.

И горы, темнеющие вдаль, на горизонте.

И людей, вышедших с красными флагами — строить новую дорогу...

А вот промелькнула перед глазами волнисто колышущаяся, сухая, высокая трава, чем-то напоминающая наш степной ковыль. И ещё. И ещё...

— Американский сорняк, — сказала Дао Ким Хоа, сопровождавшая нас сотрудница Союза писателей Вьетнама.

«Ну что ж, американский так американский, — отметил я про себя. — Видно, так называют эту траву ботаники...»

Мы проехали ещё немного, и снова та же сухая трава заколыхалась за окном автобуса.

— Американский сорняк, — повторила Хоа. Обычно весёлая, смешливая, сейчас она выглядела серьёзной и даже печальной.

Она помолчала. Потом заговорила снова, и тут мы узнали, что, оказывается, у этой безобидной на вид травы есть своя страшная история.

Оказывается, во время войны американцы специально рассеивали её семена с самолётов. Трава эта хорошо приживалась, быстро шла в рост, высыхала под зדהшим жгучим солнцем. И тогда её поджигали. Трава вспыхивала, как порох. Пожар стремительно распространялся по земле на многие километры. В огне гибло всё живое, оставалась только выжженная пустыня. А это и было нужно американцам — они рассчитывали, что огонь не пощадит никого и ничего и партизанам негде будет укрыться.

Так, выходит, совсем не ботаники называли эту траву американским

сорняком! Такое название дал ей вьетнамский народ.

С того времени, когда полыхали здесь пожары, прошло уже больше десяти лет, но живучий сорняк всё ещё выбивается из-под земли, тянет вверх свои стебли, сухо колыхается на ветру... И, глядя на него, вьетнамцы говорят:

— Американский сорняк...

Такую вот память оставили о себе солдаты Соединённых Штатов — страны, которая привыкла гордиться перед миром своей цивилизацией...

ГИЛЬОТИНА

В городе Хошимине есть музей, экспонаты которого рассказывают о преступлениях, совершённых на вьетнамской земле американскими агрессорами и их приспешниками.

Мы задержались в дороге и, когда приехали, — оказалось, музей уже закрыт. Но и те экспонаты, что были выставлены во дворе музея, прямо под открытым небом, говорили о многом.

Здесь я — впервые в жизни — увидел гильотину.

Сначала я даже не поверил своим глазам. Но нет, это был не макет гильотины, не её чертёж, а самая настоящая гильотина, с помощью которой осуждённым отрубали голову. Гильотина уже потемнела от времени — вероятно, она досталась сайгонским правителям по наследству ещё от французских колонизаторов. А возле гильотины я увидел карту Южного Вьетнама — на ней были помечены горо-

да, по которым гильотина совершила своё кровавое путешествие.

Я смотрел на гильотину: на тяжёлый нож с отточенным лезвием, на специальную корзину, куда падала голова казнённого, на прочие приспособления... И чувствовал озноб. Словно оказался лицом к лицу с убийцей.

Я отвернулся от гильотины и увидел, как мне показалось сначала, более безобидный экспонат.

Это был огромный, окрашенный в зелёный цвет контейнер, с надписями, сделанными по-английски. Он был похож на раздувшуюся пузатую бомбу. Но оказалось, что с помощью таких вот контейнеров американцы распыляли над джунглями ядовитые вещества. Цель была та же, что и с сорняком: листва, обработанная ядохимикатами, опадёт с деревьев, растения погибнут, и партизанам, до тех пор укрывавшимся в джунглях и проложившим здесь свои тайные тропы, будет уже не спастись от американской авиации, от её бомб, от напалма, от её скорострельных пушек и пулемётов.

В то время американцы уверяли, что применяемые ими химикаты будто бы абсолютно безвредны для людей. Но очень скоро весь мир узнал, что это было ложью. Тысячи мирных жителей получили тяжёлые отравления, стали инвалидами или умерли мучительной смертью. До сих пор в Южном Вьетнаме, в тех провинциях, где американцы распыляли ядохимикаты, рождаются дети-калеки. Да и в самих Соединённых Штатах, среди солдат — ветеранов вьетнамской войны — немало людей, которые оказались поражены тяжёлыми болезнями.

Я переводил взгляд с контейнера на гильотину, с гильотины — опять на контейнер...

А там, в стенах музея, таились ещё десятки экспонатов, и каждый из них мог рассказать не менее страшные истории о преступлениях, совершённых американским империализмом.

ПОМНЮ ТЕБЯ, МАМА!

Эту историю мне рассказал корреспондент «Комсомольской правды» во Вьетнаме Сергей Щербаков.

Некоторое время тому назад на имя советских журналистов, работающих во Вьетнаме, пришло из Советского Союза, из Харькова, письмо от Маргариты Сергеевны Пыльценой. «Вот уже много лет,— писала Маргарита Сергеевна,— я ищу вьетнамскую девочку по имени Хо Тхи Тху. Это моя дочь. Где наша девочка, что с ней?»

И дальше Маргарита Сергеевна рассказывала о том, как Хо Тхи Тху стала её дочерью.

Это случилось в Артеке пятнадцать лет тому назад. Здесь проходил большой пионерский праздник, на котором была гостьей и Маргарита Сергеевна. Среди ребят, участников праздника, она увидела трёх вьетнамцев — двух мальчиков и одну девочку. Девочке на вид было лет четырнадцать. И вдруг эта девочка бросилась к Маргарите Сергеевне, обняла её и назвала мамой. Уже потом она рассказала, что Маргарита Сергеевна показалась ей очень похожей на её маму. Так Хо Тхи Тху стала приёмной дочерью Маргариты Сергеевны Пыльценой.

Хо Тхи Тху приехала в Артек из Южного Вьетнама, где в то время шли жестокие сражения с американскими агрессорами. Отец Хо Тхи Тху был схвачен врагами, пытали его зверски. И сама Хо Тхи Тху тоже участвовала в боях. Уже в десять лет стала она разведчицей и добывала для вьетнамских партизан американское оружие. В четырнадцать лет Хо Тхи Тху была награждена орденом и двумя медалями за отвагу.

Маргарита Сергеевна и Хо Тхи

Тху очень привязались друг к другу. Но наступила пора расставаться. Хо Тхи Тху рвалась на родину, она хотела продолжать борьбу, мстить за отца. Она уехала и словно бы исчезла. И письма от неё перестали приходить. Но Маргарита Сергеевна не могла забыть свою приёмную дочь, она не могла поверить, что отважная девочка погибла. И когда юг Вьетнама был наконец полностью освобождён, Маргарита Сергеевна принялась разыскивать Хо Тхи Тху.

Долгое время поиски были бесплодными. Казалось, потеряна всякая надежда. Но вот однажды об этой истории рассказала на своих страницах молодёжная вьетнамская газета «Тьон Фонг», номер газеты попался на глаза друзьям Хо Тхи Тху — и она откликнулась, отыскалась! Выяснилось, что приёмная дочь Маргариты Сергеевны живёт в городе Дананге, окончила медицинское училище, работает в больнице.

Но почему столько лет не писала она Маргарите Сергеевне?

Оказывается, в 1971 году в одном из ожесточённых боёв Хо Тхи Тху была тяжело контужена. Пришла в себя только в госпитале. Из-за контузии память была частично утрачена, листок бумаги, на котором был записан адрес Маргариты Сергеевны, потерялся, всё, что происходило с ней до контузии,

Хо Тхи Тху помнила смутно... Только ощущение, будто она потеряла что-то для себя очень дорогое и важное, томило, тревожило, не составляло её. Так что легко представить её радость, когда она увидела в газете свою фотографию — ещё тех, артековских дней! — и узнала, что Маргарита Сергеевна уже давно её разыскивает.

Теперь Хо Тхи Тху стала уже взрослой. У неё своя семья, двое детей — восьмилетний сын Туан и четырёхлетняя дочка Бик Тху. Но любовь и привязанность к Маргарите Сергеевне, которую она пятнадцать лет назад назвала мамой, живёт в её сердце...

«ДОМ ЗМЕЙ»

Народ Вьетнама хранит память о войне. Народ Вьетнама дорожит завоеванной свободой, дорожит миром. Сегодня в стране идёт мирная жизнь, кипит мирная созидательная работа.

Мы видели, как завершается строительство гигантского моста в Ханое через реку Красную — мост этот сооружается с помощью советских специалистов.

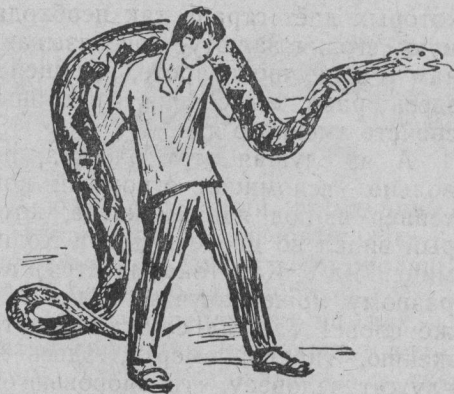
Мы побывали в кооперативах, где мастерицы шьют рубашки и плетут изящные корзины и шляпы.

Мы бродили среди деревьев-каучуконосов на поистине неоглядных каучуковых плантациях, видели нефтяные вышки, поднявшиеся над заливом Вунгтау...

— А сегодня, — сказали нам, — мы поедem в «Дом змей»...

«Дом змей»? Любопытно!

Я решил, что нам предстоит посетить нечто вроде террариума в зоопарке. Но я ошибся. Оказалось, «Дом змей» — это весьма солидное предприятие, целое фармацев-

тическое производство, а одновременно и научное учреждение.

Представьте себе, вы входите в приземистый, вытянутый в длину корпус, бочком, осторожно продвигаетесь по довольно-таки узкому проходу, а справа и слева от вас в деревянных зарешеченных клетках, которые, конечно же, сразу начинают казаться ужасно непрочными, шипят, раздуваются, делают смертельные стойки ядовитые кобры, очковые змеи и прочие их собратья... А тут ещё идущий вместе с вами высокий вьетнамец то и дело предостерегающе взмахивает руками, словно крыльями, и тревожно-пронзительно вскрикивает:

— Осторожно! Не прикасаться! Не прикасаться! Осторожно!

Впрочем, и он сам, этот вьетнамец, здесь тоже только гость, так что его волнение, его опасения за нашу невредимость вполне объяснимы.

Сами хозяева «Дома змей» держатся куда более спокойно. Они рассказывают, как добывается ценный змеиный яд, какие лекарственные препараты затем из него изготавливаются, каким огромным спросом пользуются за рубежом эти лечебные средства, продажа

которых даёт стране так необходимую сегодня валюту. Рассказывают нам и о научной работе, ведущейся здесь ради выяснения целебных свойств змеиног яда.

А я, слушая этот рассказ, невольно вспоминал огромный контейнер из-под ядохимикатов, который видел во дворе музея в Хошимине. Яд... Как, оказывается, по-разному может звучать одно и то же слово! Там яд служил уничтожению, гибели, смерти, здесь яд служит человеку, его здоровью, его жизни...

На прощание наши хозяева предлагают нам сфотографироваться на память.

— Одну минуточку, — просят они нас подождать.

И через несколько мгновений появляются с огромным — метра три в длину — удавом. Жёлтая, с тёмными пятнами кожа удава холодно отсвечивает на солнце, а сам он в руках людей то распрямляется, вытягивается, то начинает лениво сворачиваться в кольца, поводя головой из стороны в сторону.

Мы выстраиваемся для памятного снимка. Хозяева с удавом в руках встают впереди, мы — чуть подалеже, сзади. Возможно, потом на фотокарточке всё будет выглядеть так, будто и мы тоже удерживаем змею. Хотя на самом деле никто из нас не решается притронуться к удаву. Это почётное право мы оставляем хозяевам.

— Внимание! — командует фотограф.

Я гляжу, как фотограф прицеливается объективом, и беспечно улыбаюсь. И в этот момент чувствую, как кто-то осторожно прикасается к моей — чуть пониже локтя — голой руке. Словно щекошет чем-то прохладным. Я опускаю глаза и вижу: удав! Удав повернул голову и своим раздвоенным на конце, длинным и тонким языком пробует на вкус мою руку!

Я всё же попытался сохранить на лице беспечную улыбку. Не знаю, насколько мне это удалось.

ДЕМОНСТРАЦИЯ

Это произошло в небольшом вьетнамском городе, в одной из южных провинций.

Днём, после обеда, у нас оказалось немного свободного времени, и мы, вместе с нашими провожатыми, решили сходить в торговый центр и на рынок — поглядеть, что там продаётся, и, может быть, купить на память какие-либо сувениры.

Скажу сразу, что сделать это нам не удалось. И вот почему.

В просторном торговом центре было многолюдно. Только мы приостановились, раздумывая, в какую сторону податься, как нас сразу же стали окружать ребятишки.

Сначала их было человек десять, потом — ещё десять, и ещё... Их отовсюду стремительно, словно магнитом, стягивало сюда — к нам. Они молча смотрели на нас и улыбались.

Это были удивительные улыбки. В них крылись доброта и застенчивость. Они словно бы тихо всплывали на лицах. От них мягко и чуть загадочно светились глаза. Видя эти улыбки, просто невозможно было не улыбнуться в ответ. И мы улыбались. Тоже молча. Смотрели на ребятишек — и улыбались.

Были здесь и совсем маленькие карапузы, и ребята постарше, и подростки. Маленький мальчишка, казавшийся самым застенчивым, вдруг протянул руку и осторожно потрогал одного из нас пальцем. И другой мальчишка тоже осторожно протянул руку и тоже потрогал...

Кольцо вокруг нас продолжало разрастаться.

Мы решили было подойти кодному из прилавков, но вся ребячья толпа сразу же двинулась вместе с нами. Какие уж тут покупки! А глаза ребятишек продолжали сиять, и лица их по-прежнему светились улыбками.

Мы постояли ещё немного и пошли обратно к гостинице.

И все ребятишки двинулись за нами. А по пути к ним примыкали всё новые и новые...

Когда мы подходили к гостинице, за нами уже шла целая демонстрация. А прохожие останавливались и глядели нам вслед, стараясь понять — что же происходит? В честь чего по улицам городка движется эта ребячья демонстрация?

Так мы и подошли к гостинице. Помахали мы ребятишкам — попрощались. Они в ответ молчаливо и радостно заулыбались.

— Вы не сердитесь на них, — сказал мне один из наших провожатых, когда мы оказались в тихом и пустынном холле гостиницы. — Просто здесь очень редко бывают иностранцы. Не сердитесь!

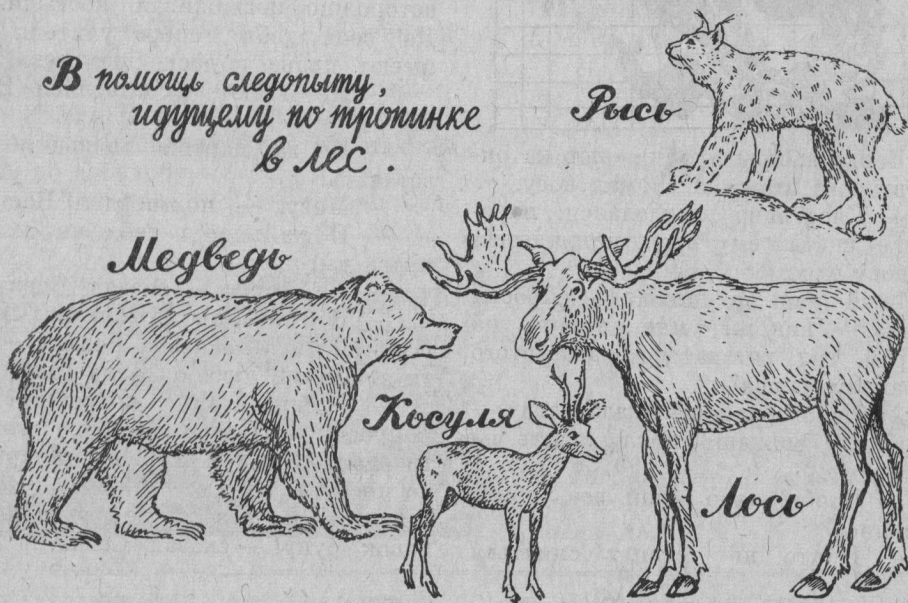
— За что же сердиться?! — искренне изумился я.

У меня перед глазами всё ещё стояли лица вьетнамских ребятишек. Их мягкие, молчаливые, добрые улыбки.

Они и сейчас возникают у меня в памяти, когда я начинаю думать о Вьетнаме, когда вспоминаю те дни, что провёл в этой замечательной стране...

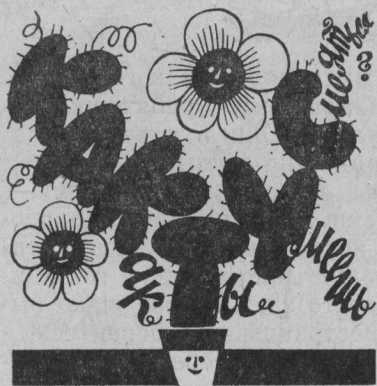
Рис. В. Зачиняева

*В помощь следопыту,
идущему по тропинке
в лес.*

К фотографиям на 3-й странице обложки

Рис. Р. Попова

В ШКОЛУ!

Вот и осень.

Как приятно после долгих путешествий вернуться на свой родной подоконник! Оглядеть родные рамы, стёкла и стены. Встретить бегонию, бальзамин, дружную семейку и очень вкусную герань. Поделиться с ними впечатлениями о лете. А потом приготовиться к новому учебному году: смыть летний загар, аккуратно постричься и начать точить иголки.

Осень начинается с праздника — с первого сентября. В этот день я, конечно, оденусь с иголки и причешусь на пробор. Пусть в праздник колются только шипы роз, которые вместе с другими цветами вы, ребята, будете дарить учителям.

С новым учебным годом!

КАКТУС

Вовка выпрыгнул на спор из окна второго этажа и сломал ногу.

— Счастливо отделался, паренёк! — сказал ему врач, накладывая на ногу гипс.

— А как же школа? — спросил Вовка. — Что же, мне теперь на второй год оставаться из-за этого дурацкого гипса?

— Не огорчайся, — сказал врач, — В школу можешь пока ходить на костылях.

— Чтобы надо мной все ребята смеялись?

— Никто не станет смеяться

над твоим несчастьем! — пытался успокоить его врач.

— Вы просто не знаете наших ребят — и обсмеют, и задразнят, и играть не примут!..

...Когда Вовка, гремя костылями, приковылял в класс, его тотчас с громкими криками окружили ребята.

— Ну, везёт человеку! — с завистью воскликнул его друг Севка, осторожно поглаживая костыли. — Да ведь тебя теперь учителя не имеют права к доске вызывать!

— Не имеют, — согласился Вовка.

— И за партой можешь не вставать!

— Могу, — подтвердил Вовка.

— И из класса тебя не имеют права выгонять!

— Не имеют, — сказал Вовка.

— В гипсе ты похож на Поля Бельмондо! — сказала Валька. — Хотя я больше люблю Жана Марэ.

— Можно гипс потрогать? — попросил Петька. — Ух, какой твёрдый! На нём хорошо шпаргалки писать!

— Жаль, что ты не сломал вдобавок руку! — сказал Севка. — Тог-

да бы тебя освободили от письменной контрольной.

— Вовка, можно мне попробовать походить на твоих костылях? — робко попросил Петька.

— А ты умеешь? — с сомнением спросил Вовка.

— Не давай ему, — сказал Севка, — он тебе их сломает. Дай лучше мне!

— Только до доски и обратно! Я сам на них ещё не находил.

Петька схватил костыли и радостно запрыгал по классу.

— Чур, я за Петькой! — крикнул Севка.

— Ой, и я, и мне! — закричали остальные.

— Хватит на сегодня! — властно сказал Вовка. — Завтра организуем соревнования: бег на костылях по коридору.

— Так нечестно! — сказал Сев-

ка. — Ты на костылях дома можешь тренироваться, а мы будем не в форме!

— Кто хочет заниматься костылями всерьёз, — возразил Вовка, — может взять их напрокат в аптеке.

...В соревнованиях принял участие весь класс. Победителем, как и следовало ожидать, стал Вовка. И потом в течение месяца Вовка прочно удерживал за собой звание чемпиона школы по бегу на костылях на короткие и длинные дистанции.

А через месяц, несмотря на отчаянные Вовкины протесты, врач снял гипс с ноги.

На следующий день никто из ребят не заметил, как Вовка тихонечко вошёл в класс и крадучись пробрался к своему месту на задней парте...

**БОРИС
СУЛИМОВ**

КТО ХИТРЕЙ?

От такого грибника
Прятаться без толку!
Вижу я издалика:
Вон вы где — под ёлкой!

В рыжих шляпках напоказ,
Словно две сестрички...
Видно, я хитрее вас,
Хоть вы и лисички!

**МАРИНА
СИМОНОВА**

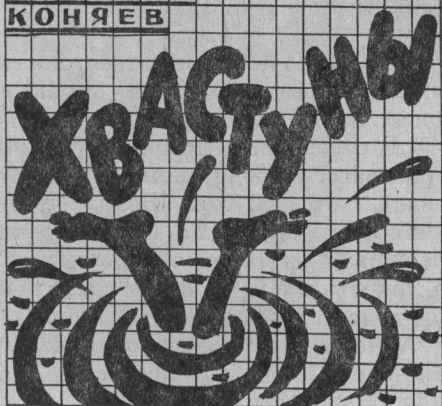

Вскричал однажды чайник:
— Полундра! Полный ход!
Отныне я не чайник —
А белый паровоз!

А хитрые чайники
Кричат из чайной тьмы:
— Тогда мы — не чайники,
Мы чайки,
Чайки мы!

НИКОЛАЙ
КОНЯЕВ

— Я целое лето на море был! — рассказывал Павлик. — И знаешь, я так хорошо плавать научился, что целую тысячу утопающих спас. И мне потом целый мешок медалей дали!

— А мне — два! — не задумываясь, сказал ему его приятель Лёша.

— Чего два?

— Два мешка дали...

— За что?

— Ну, за этих, за утопающих. Я их целых две тысячи спас. В два раза больше, чем ты.

Павлик нахмурился:

— А ты что — считал моих, что ли?

— Ты же сам сказал... — ответил ему Лёша.

— Ну и что! — возмутился Павлик. — Сказать-то всё можно. А ты знаешь, как трудно хотя бы одного человека спасти? Меня, когда я первый раз в море заплыл, целая тысяча человек вытаскивала!

— А меня — две!

— Чего две?

— Две тысячи вытаскивали...

ОЛЕГ
БУНДУР

Кому
везёт?

Ходят рыбы косяки,
Ходят в море рыбаки,
Не находят рыбаки
Этой рыбы косяки.
Ходят в грусти рыбаки —
Веселиться не с руки.
Веселятся косяки:
— Промахнулись
Рыбаки!

И завтра, в 15,
чур, Вовка, ты — Ватсон,
А Шерлоком Холмсом
теперь буду я!

**ИЗ НЕПОЛНОГО
СОБРАНИЯ
СОЧИНЕНИЙ**
Бывшего школьника **КОСТИ
МЕЛИХАНА**

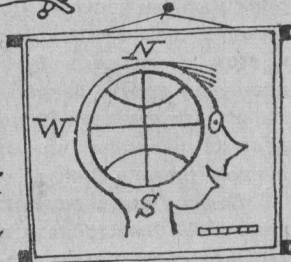
"Хоккеисты
периодически
проводят
смены суставов."

«Охотник
выслеживает
зверей по
отпечаткам
пальцев.»

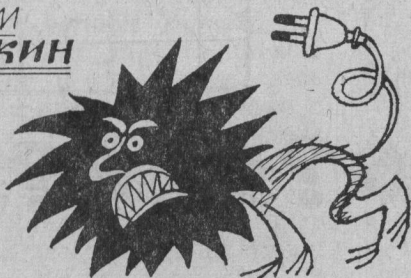
"Мозг человека состоит из двух полушарий: западного и восточного."

«Пушкин
писал
чита-
тели!»

«Когда я
много
умыва-
юсь, мама
мне намы-
ливает
шею.»

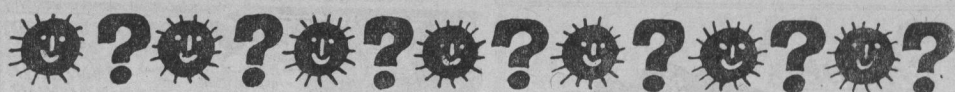
ВАДИМ
АЗБУКИН

Шипит недовольно,
кусаются больно,—
опасно его
оставлять одного.
С ним надо поладить —
и сможете гладить!
Но гладить не стоит
его самого!

(2018)

ОТВЕТЫ НА ПРЕДЫДУЩИЙ КАКТУСВОРД

Очень многие ребята хорошо расправились с кактусвордом.

Незнайку угадали почти все. Только один мальчик написал, что его любимый герой в шляпе — Карабас, а поскольку в этом слове семь букв, то восьмую клетку он просто закрасил.

Не все отгадали слово «газ». А одна девочка написала, что поршень в цилиндре толкали Винтик и Шпунтик.

Больше всего ошибок было со словом «лай». Вместо него писали — «гав», «мяу», «му-у» и даже «бе-е»...

КАКТУС благодарит всех читателей, принявших участие в разгадывании кактусворда, и предлагает новый.

КАКТУСВОРД

Вдоль:

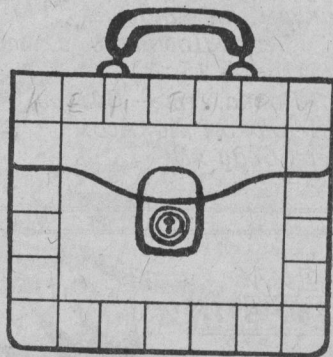
1. Существа, которые передвигаются на двух ногах, но которым не надо ходить в школу. У этих существ есть сумки, совершенно не похожие на этот кактусворд.

2. Предмет, который каждый день приходится носить в школу и обратно в специальной сумке, по форме напоминающей этот кактусворд. Отличники любят его всем показывать, а двоечники — терять.

Поперёк:

1. Ступенчатый водопад в Петродворце, который начинает работать в конце учебного года, а в начале нового учебного года уходит на каникулы.

2. Новая страничка, открытая «Искоркой» в одном из летних номеров.

РИСУНКИ
Ю. БОЧКАРЕВА

ЗАСЕДАНИЕ ВОСЬМОЕ (шестьдесят восьмое)
Ведёт заседание почётный председатель Клуба
В. С. Альбум-Маркин

Дорогие друзья!

Правление клуба юных коллекционеров предлагает
вашему вниманию очередной выпуск калейдоскопа
коллекционера.

Калейдоскоп коллекционера

ВЕРНЫЙ СЫН БОЛГАРСКОГО НАРОДА

9 сентября болгарский народ отмечает свой национальный праздник — День свободы. В этот день в Болгарии с благодарностью вспоминают своих героев, пожертвовавших жизнью ради свободы и независимости родины. Один из них — Владимир Заимов. Его портрет ты видишь на почтовой марке, выпущенной в Болгарии.

Владимир Заимов был генералом в армии болгарского царя, но он служил не царю, а отечеству. Царь пошёл на сговор с гитлеровской Германией, а генерал Заимов был убеждён, что Болгария должна идти в одном строю с братским русским народом.

В 1941 году, когда фашистская Германия напала на Советский Союз, Владимир Заимов многое сделал для того, чтобы сорвать посылку болгарских дивизий на восточный фронт. Он установил связь с коммунистами-подпольщиками и рука об руку с ними начал вести антифашистскую борьбу.

По доносу провокатора в марте 1942 года Владимир Заимов был арестован. В это время в Болгарии шла подготовка к вооружённому восстанию. Ни уговоры, ни пытки не смогли сломить патриота. Он твёрдо держался своих убеждений до конца.

Суд обвинил Заимова в измене Болгарии. Но генерал заявил на суде, что признаёт себя виновным только в измене царю, но не отечеству.

Владимира Заимова приговорили к смертной казни. Во время расстрела он воскликнул: «За мной идут тысячи! Советский Союз непобедим! Да здравствует свободная Болгария!»

После войны Владимир Заимов был награждён посмертно советским орденом Красного Знамени и болгарским орденом «Народная свобода». А 31 мая 1972 года Указом Президиума Верховного Совета СССР болгарскому гражданину Владимиру Заимову было присвоено звание Героя Советского Союза.

ОШИБКА АЛЕКСЕЯ ТОЛСТОГО

Если ты читал роман Алексея Николаевича Толстого «Пётр I», то, возможно, помнишь первую встре-

чу царя с Александром Меншиковым: «...Алексахка на лету подхватил брошенный рубль... Рубль был новенький,— на одной стороне — двуглавый орёл, на другой — правительница Софья».

Вот здесь как раз и кроется ошибка.

Дело в том, что такого рубля никогда не существовало.

Что же получается?

Выходит — Алексей Толстой этот рубль придумал?

Но ведь всем известна его щепетильность в обращении с историческими документами и фактами.

Значит, такой рубль писатель где-то видел!

Может быть, в коллекции у какого-то нумизмата?

Мог видеть.

Только такой рубль был отчеканен не в XVII, а в XIX веке. И не государственной казной — а антикваром-фальсификатором. Выгодным оказалось это занятие — продавать доверчивым нумизматам по дорогой цене никогда не существовавшие монеты. Образец такой отлично изготовленной фальшивки ты видишь на фотографии. На одной стороне монеты — орёл, на другой — царевна Софья с братьями Петром и Иваном.

Вот так по вине фальсификатора нумизматическая ошибка до сих пор переходит из одного издания романа в другое.

ТУРНИРЫ СОВРЕМЕННЫХ РЫЦАРЕЙ

Трёхметровые деревянные копьё, деревянные щиты. Чем не рыцарское снаряжение? Только вместо горячих коней — тяжёлые лодки с гребцами.

И это не рыцари, а спортсмены, хотя состязания и напоминают некогда популярные во Франции рыцарские турниры.

Смысл состязания — сбросить копьём противника в воду.

Этот вид спорта родился несколько веков назад на средиземноморском побережье Франции и стал своеобразным приемником

средневековых рыцарских турниров. Спортсмены располагаются на деревянных площадках, прикреплённых к лодкам. Лодки сближаются, и начинается «турнир». Момент «сражения» изображён на почтовой марке, выпущенной во Франции. Состязания проводятся

как днём, так и ночью при свете факелов под бой барабанов и зывание фанфар.

Первенство Франции по этому виду спорта проводится ежегодно. Победители награждаются специальным призом, который так и называется «Рыцарский трофей».

РАЗГАДАННЫЕ ТАЙНЫ ГЕРАЛЬДИКИ

Геральдика — историческая дисциплина, изучающая гербы.

Появление в продаже большого количества значков с изображениями гербов русских городов вызвало у коллекционеров повышенный интерес к отечественной геральдике.

Надо отдать геральдике должное — историки получают от гербов много полезной информации. К тому же, отечественная геральдика довольно обширна: к концу XIX века свои гербы имели 600 русских городов.

Но, к сожалению, многие дошедшие до нас изображения городских гербов оказались «испорченными». По разным причинам рисунки гербов менялись или дополнялись новыми деталями, а вместе с ними изменялся и смысл, первоначально заложенный в гербе.

Ты, конечно, знаком с быстрым оленем с герба города Горького (бывший Нижний Новгород). Даже Горьковский автозавод на капотах первых выпусков автомашины «Волга» помещал металлические фигурки бегущего оленя. А ведь олень попал в герб Нижнего Новгорода только в начале XVIII века, а до этого на гербе города был лось. Замена произошла по воле иностранных герольдмейстеров, приглашённых на службу в Россию. Слишком непонятным оказался для иностранцев этот таёжный зверь, и они с лёгкостью заменили его европейским оленем.

Много вреда принёс геральдике царь Алексей Михайлович Романов. Он был очень религиозным че-

ловеком и куда только мог, в том числе и в гербы городов, привнес религиозную символику. Например, в гербе Перми испокон веков красовался медведь, и связано это было с древним языческим культом. По указанию царя Алексея Романова в 1672 году на спину пермского медведя положили евангелие с крестом.

Любопытны превращения, произошедшие с гербом нашего соседа — Великого Новгорода. На значке с гербом Новгорода ты видишь довольно громоздкую и сложную композицию. А в XV веке в гербе Новгорода была только трибуна.

Почему трибуна?

Потому что высшим органом власти Новгородской республики было вече и ораторы на вече выступали с трибуны. Таким образом трибуна символизировала республиканское самоуправление.

Но вот в Новгороде не стало республики. И через сто лет в новгородский герб были внесены изменения: слева от трибуны появился медведь, справа — барс, а внизу — две рыбыны. Потом незнакомый россиянам барс был заменён вторым медведем. Внёс свою лепту в «совершенствование» новгородского герба и царь Алексей Михайлович. Он велел пририсовать к трибуне ножки, и трибуна стала похо-

жа на трон. Появились в гербе скипетр и крест, а над трибуной — церковный трисвечник.

Так постепенно республиканская эмблема превратилась в церковно-монархическую.

Я рассказал лишь о нескольких разгаданных тайнах русской геральдики. А сколько их ещё не разгадано?!

ШЕКСПИР ИГРАЕТ В ШАХМАТЫ

Ты, наверное, внимательно следишь за ходом второго «тайма» шахматного сражения за мировое первенство. Нас — коллекционеров — борьба в этой древней увлекательной игре волнует ещё и потому, что чемпион мира Анатолий Карпов — наш коллега. Он — марочник. И почётный член Всесоюзного общества филателистов.

Кто станет чемпионом мира по шахматам? Безусловно, сильнейший. Оба претендента являются сегодня лучшими шахматистами мира, и каждый из них достоин шахматной короны.

А в том, что шахматы изобретены очень давно, ты сможешь убедиться, взглянув на марку, выпущенную в Никарагуа. На ней отпечатана репродукция старой картины. Искусствоведы утверждают, что картину написал примерно в 1603 году (то есть за три года до смерти) нидерландский художник Карель ван Мандера. А изобразил художник двух выдающихся английских драматургов — Вильяма Шекспира и Бена Джонсона. Друзья играют в шахматы.

Впрочем, игра уже закончена.

К сожалению, на репродукции не видно расположения шахматных фигур. Но знатоки утверждают, что Шекспир (он справа) держит

в руке коня. И ходом этого коня он объявляет противнику мат. Джонсон даже руку поднял от неожиданности. Так что Шекспир успешно соперничал с Джонсоном не только на театральной сцене, но и за шахматной доской.

Картина содержит в себе много пока ещё не выясненных загадок.

Она была обнаружена в начале нашего столетия в Соединённых Штатах Америки. Как попала картина в Америку? Когда это произошло? Где находилась картина предыдущие 300 лет?

Ответить на эти вопросы пока ещё никто не смог.

Совсем недавно ещё литературоведы горячо спорили: а существовал ли Шекспир как таковой вообще? Спор закончился в пользу Шекспира.

А поскольку художник был современником и Шекспира и Джонсона, их портреты, надо полагать, он писал с натуры.

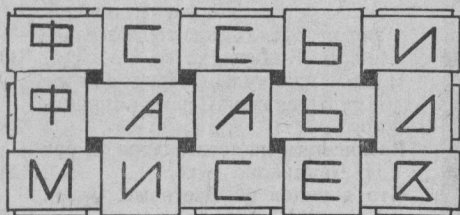
Итак, перед тобой портрет гениального Вильяма Шекспира. В его времена первенство мира по шахматам не разыгрывалось, поэтому и чемпионом мира в шахматах он быть не мог. Но то, что Шекспир до сих пор остаётся «чемпионом» в драматургии, — бесспорно.

КОНКУРС «МОЛОДОСТЬ МИРА»

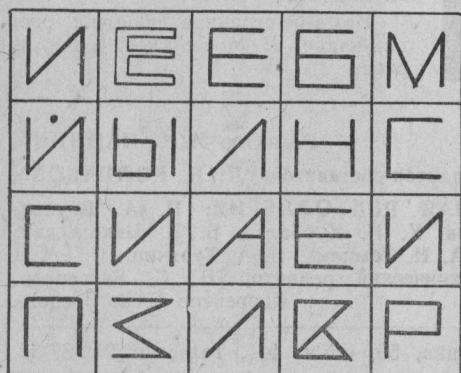
Между читателями, приславшими правильные ответы на задания, опубликованные в этом номере «Искорки», будет разыгран приз. Срок для ответов — до 15 октября. В день открытия Московского фестиваля молодёжи и студентов в пионерском лагере «Юный кировец» на Сиверской стартовало «головоломное десятиборье». Все десять головоломок были посвящены форуму молодёжи. Попробуйте решить некоторые задания конкурса.

ПЛЕТЁНКА

На трёх горизонтальных и пяти вертикальных полосках (сверху вниз) была написана фраза о фестивале. Но когда полоски переплели, половина букв стала не видна. Восстановите текст. (5 очков).

ХОДОМ КОНЯ

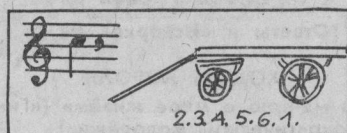

Прочтите ходом шахматного коня название песни, которая родилась в 1957 году на VI Московском фестивале (5 очков).

Отдел ведёт Н. А. САДОВЫЙ

МИКРОРЕБУС

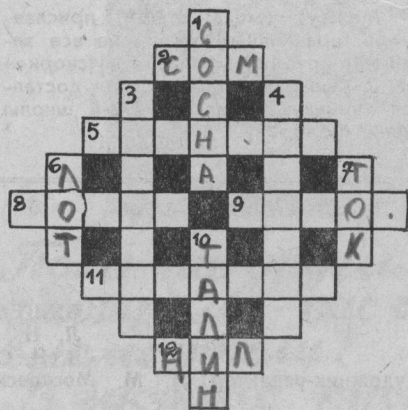

Прочтите «фестивальное» слово (2 очка).

КРОССВОРД

Составила Оля Жиркова

По горизонтали: 2. Рыба. 5. Вид спорта. 8. Цветок. 9. Советский детский писатель. 11. Съедобный гриб. 12. Река в Азии.

По вертикали: 1. Хвойное дерево. 3. Прибор для измерения силы. 4. Порода собак. 6. Прибор для измерения морских глубин. 7. Место для обмолота зерновых культур. 10. Город в Прибалтике (4 очка).

ИЗ ТРЕХ — ЧЕТВЕРТОЕ
Составила Лена Костякова
(382-я школа)

ЛЕЩ+КУК+
+ЧИН=?

Из всех девяти букв этих четырёх слов составьте название балета П. И. Чайковского. (2 очка)

ПРОВЕРЬ СЕБЯ

[Ответы к «Искорке» № 7]

ХОДОМ КОРОЛЯ

«Мы мечтаю о мире живём» («Гимн демократической молодёжи»)

ЦИКЛОКРОССВОРД

1. Лама. 2. Ваза. 3. Кама. 4. Рать.
5. Заря. 6. Блок. 7. Стяг. 8. Роза.
9. Дега.

ДВОЙНАЯ ГОЛОВОЛОМКА

Адмиралтейство

ПЕРЕСТАНОВКА

«Мир и солидарность»

МИКРОРЕБУС

Галстук

КТО ПОБЕДИЛ?

Между смекалистами, приславшими правильные ответы на все задания, опубликованные в «Искорке» № 7, был разыгран приз. Он достался ученику 3-а класса 272-й школы Илье Фёдорову.

СОДЕРЖАНИЕ

Ленинградское утро. Стихотворение Олега Цакунова	1
Сколько лет тебе, школа? Очерк Ильи Фоякова	2
«...В светлых морщинках дождей». Стихи Виктории Варгас	8
Петровская набережная. Часть II Главы из повести Михаила Глинки	9
Маленькие рабы. Заметки из «Международной почты» С. Руховича	13
Искорка советует: Прочти эту книгу	16
«Пятнашки, пятнашки...» Из испанского фольклора	23
Приключения Яшки Кошкина в Лидовых горах. Продолжение сказки Радия Погодина	24
«На берёзе сорока сидит...» Стихи Яна Бжехвы	28
Рассказы об экономике. Рассказ восьмой. Несколько путешествий в поисках истины. Рассказчик В. Ковичёв	30
Наши каникулы. Продолжение повести-сказки Сергея Лукницкого	38
Расписание на послезавтра. Очерк Н. Чаплиной	44
Что я видел во Вьетнаме. Очерк Бориса Никольского	48
Кактус	54
Калейдоскоп коллекционера (Клуб юного коллекционера)	59
Клуб смекалистых ребят	63
На 1-й странице обложки рисунок В. Меньшикова «Первый звонок»	
На 2-й странице обложки «Маленькие рабы». Фотографии из «Международной почты»	
На 3-й странице обложки «Следопыт, или Тропинка в лес». Фото Н. Сладкова	
На 4-й странице обложки рисунок-плакат Л. Московского и В. Андреева	

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, А. Н. Томили, И. А. Туричин.

Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая. Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

Сдано в набор 30.07.85. Подписано к печати 18.09.85. М-17731. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отт. 6,48. Уч.-изд. л. 5,72. Тираж 60 000. Заказ № 132. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Следопыт, или Тропинка в лес

1.

Даже молодой следопыт догадается, что тут...?.. наследил! Всех, наверное, распугал. Пойдём-ка лучше в другую сторону.

2.

Вот и первая встреча - осторожный...?! Но почему он безрогий?

3.

А это кто на поляне пасётся? Неужели...?..? Но она же совсем не косая!

4.

Пока на других смотрели - нас самих высмотрели!

В густых кустах большая...?.. притаилась. И уже облизывается.

Пойдём-ка лучше снова в другую сторону...

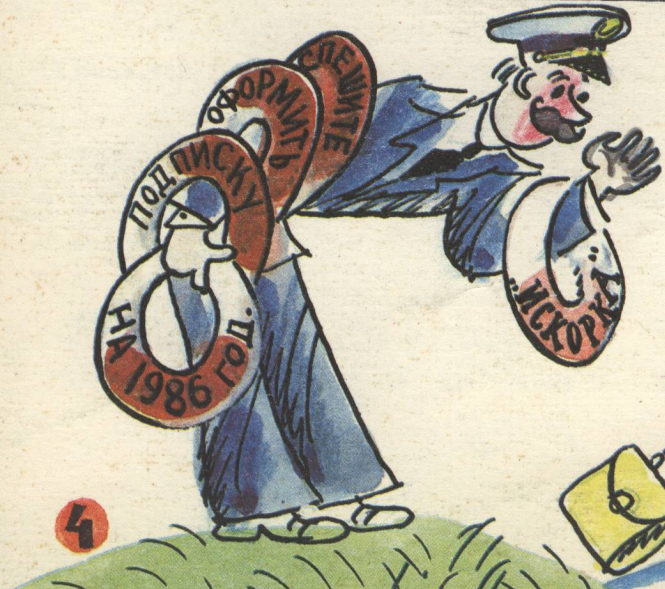
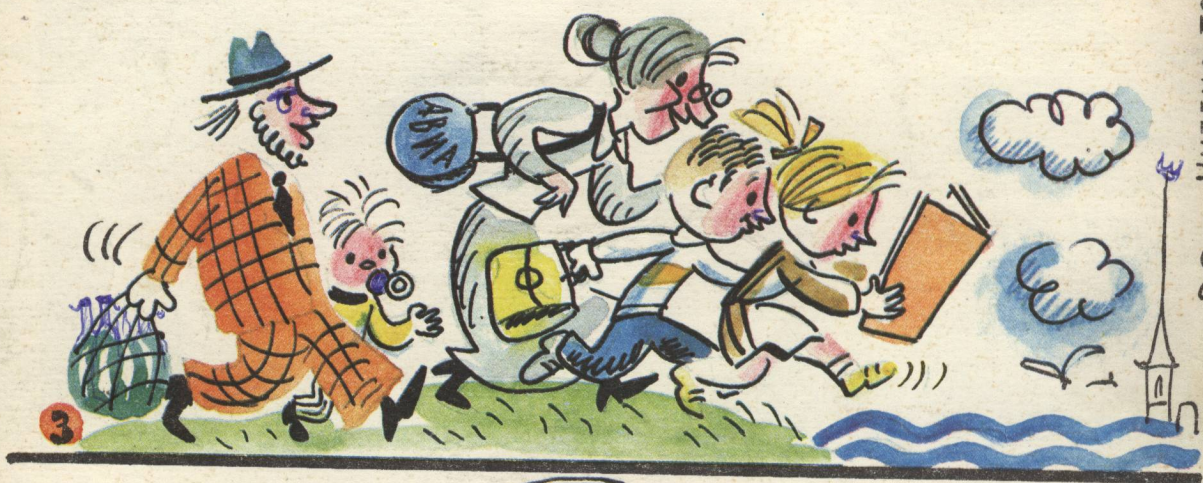

П.ДлискА!! П.ДлискА!! П.ДлискА!! П.ДлискА!!

Хотите отправиться в путешествие по дальним странам? Оказаться в прошлом и заглянуть в будущее? Прочитать фантастическую повесть, рассказы о школе и весёлые стихи? Хотите?! Подпишитесь на „Искорку“!

Подписка принимается без ограничений во всех отделениях „Союзпечати“ города и области до 1 ноября. Стоимость годовой подписки **22 руб. 40 коп.**

П.ДлискА!! П.ДлискА!! П.ДлискА!! П.ДлискА!! П.ДлискА!! П.ДлискА!!

„Искорка“ —
— незаменяемый журнал!!
А ты, читатель,
подписчиком стал?

ИНДЕКС 73735 ЦЕНА 20 КОП.